

An impressionistic painting of a landscape. On the right side, a large, dark tree with green and brown foliage dominates the scene. To the left, a building with a brown roof is visible. The sky is a mix of light blue and white, suggesting a bright, overcast day. The overall style is loose and expressive, with visible brushstrokes and a focus on light and color rather than fine detail.

БАХЫТ КЕНЖЕЕВ

**НА ДОЛГОМ
ЯЩИКЕ ПАНДОРЫ**

БАХЫТ ШУКУРУЛЛАЕВИЧ КЕНЖЕЕВ
(2 августа 1950 - 26 июня 2024) —
всемирно известный русский поэт, родился в Казахстане.
С 1982 года жил в Канаде, а с 2006 года в Нью-Йорке.
Один из основателей поэтической группы
«Московское время», (70-е годы), куда входил вместе
с Александром Сопровским, Сергеем Гандлевским
и Алексеем Цветковым.
Был членом жюри премий «Волошинский конкурс»,
«Русская премия», «Кубок мира», «Дебют».
Член ПЕН-клуба русское отделение.
Поэзия и проза Бахыта широко публиковалась
начиная с 1972 года в Украине, России, Америке,
Казахстане, Канаде, странах Европы, Израиле и др.
Лауреат 13-ти литературных премий, автор 3-х десятков
книг стихов и прозы, его книги переведены на английский,
казахский, немецкий, французский, испанский,
голландский, итальянский, украинский,
шведский и китайский языки.

ISBN 979-8-3507-4219-0 \$15.00
51500>

9 798350 742190

БАХЫТ КЕНЖЕЕВ

**НА ДОЛГОМ
ЯЩИКЕ ПАНОДРЫ**

/*2022-2024 */

BAKHUT KENJEEV

ALONG THE PANDORA's BOX

/* 2022-2024 */

Book art by Pavel Tayber and Dmitry Yanushkevich
Оформление Павел Тайбер и Дмитрий Янушкевич

ANNOTATION

This is the last book of the wonderful world-renown poet Bakhyt Kenjeev (also spelled sometimes as “Kenzheev”), who put it together by himself within just two months before his tragic death in June of 2024.

The book is published with permission of the author’s wife Helen Mandel.

Это последняя книга замечательного, всемирно известного поэта Бахыта Кенжеева, созданная им самим за два месяца до трагедии, случившейся в июне 2024.

Наследие Бахыта печатается с разрешения его жены Елены Мандель.

ISBN 979-8-3507-4219-0

Library of Congress Control Number: 2024951294

© Bachyt Kenjeev, 2025; All rights reserved
© Woodside Publishing, 2025; All rights reserved
Contact via <https://www.nomer.us>

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Это ни в коем случае не критическая статья, а всего лишь ещё один крик от боли потери. От неожиданности этой потери. *«Да, человек смертен, но это было бы ещё полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен»* — именно так. Булгаков прав. Ну кто бы мог подумать? Хотите рассмешить Всевышнего? — расскажите ему о своих планах. Планы на июнь 24 года у Бахыта Шукурллаевича были совсем другие. В них входили друзья, Сицилия, вино и солнце. Потеря Бахыта для меня шок, который я не могу просто преодолеть. Да, он перенёс тяжёлую операцию. Да, тела наши не вечны. И они, таки да, когда-то распадаются. Но всем кажется, что это не сегодня, не с нами, не с друзьями, а где-то там и с кем-то дальним. Впрочем, если за телом следить, то оно, возможно, огорчит позже, но тем же. Жизнь продолжается и ПОСЛЕ. Просто она другая и по другим правилам.

Из-за разделённости континентом, мы общались редко, Но в последние годы, когда я бывал в Нью Йорке, я обязательно заходил в его уютную квартиру в Сохо. И тогда Бахыт дарил мне интересную, глубокую, потрясающую и осветляющую беседу. Иногда я встречал там других людей, и всё это было здорово. Когда-нибудь я найду время написать воспоминания о всех великих людях, с кем мне повезло беседовать «тет-а-тет». Когда-нибудь. Всё равно, жаль, что мало. Что редко. Хорошо, что хоть столько было. Мои разговоры с Бахытом были уникальны, прежде всего, отсутствием барьера между поколениями. Бахыт удивительно лёгок в общении. Мудрость, шутки, вкусная кухня — всё это было, но, главное, была несерьёзная беседа о серьёзном, в которую вкраплялись иногда жемчужины. Помню, мы говорили о поэтах, об ушедших и о современниках, и вдруг — *«Никогда не сравнивайте живущих»*.

Бахыт любил (и умел) «троллить» своих собеседников темами, казалось бы, выходящими за рамки системы ценностей, и своим отношением к ним: *«вообще-то я человеконенавистник»* Но всё, что слушателю нужно было сделать, это поменять минус на плюс и — настоящий Бахыт проявлялся, как образ на фотоплёнке.

А ещё Бахыт был гурманом. Из воздуха, из подручного, из внутри-кухонно-ящичного корма, он умел готовить чудеса. Вы никогда не имели друзей гурманов? Вы никогда не заходили к ним в гости? Что ж, вызывать зависть – это плохо. Продолжать не буду.

Но вернёмся к книге. Незадолго до трагедии, а именно в апреле 24-го, я работал над очередным выпуском звукового журнала «Западное Побережье», и мне нужны были стихи Бахыта в авторском исполнении. Я собирался записать его голос во время встречи по компьютеру. И вот, я получаю от Бахыта письмо:

«Сашенька, конечно, могу с тобой встретиться на зуме. В ближайшие дни! Признаюсь: попробовал записать сам, но не пошло. Все время сбиваюсь, да и с артистизмом плоховато.

Есть, правда, отмазка: постоянно бегаю по врачам, жду операции. Пока ничего фатального, но на нервы действует. Спасибо за приглашение в Баху! Увы, из-за медицинских проблем я привязан к дому, за исключением недалеких поездок...

А пока посылаю тебе рукопись своей новой книги. (Названия еще не придумал).

Надеюсь, понравится! +:))

*Твой
Бахыт»*

Ещё как понравилась! Спасибо, Бахыт! «На Долгом Ящике Пандоры» — книга — поэма в прозе и в стихах, про наше сегодняшнее время в 22-23 гг. на планете Земля. Про ренессанс рабства в России и про безумие войны. Про то, ЧТО же мы (эмигранты из «совка», сделавшие из себя людей, как только мы научились пользоваться обретенной свободой) думаем, видим и чувствуем по отношению к российскому режиму и к развязанной им войне. Эта книга — обратный взгляд на местность, из которой мы вышли, на нравы, из которых мы выросли. Эдакая «Москва-Петушки» 21-го века, разросшаяся и охватившая собой континенты и народы.

И, конечно, такая книга, при её огромном масштабе, обязана быть написана всеми поэтами сразу. Бахыт, превосходный мастер слова, переплёл фрагменты, мелодии и темы из стихов классиков, поэтов серебряного века, из русских прозаиков 19 и 20 веков, из советских поэтов и, конечно, из современников, включая самого себя. Примерно так же делал Пикассо, который мог нарисовать что угодно в любом стиле от классического и до кубизма. Этот уровень глубинного мастерства и отличает выдающийся талант от обычных способностей. Такой приём разностильности, казалось бы, бросается в глаза и берedit читателя диссонансом содержания с его формой. Он то привлекает красотой образов, а то вдруг отталкивает нежного, тонкого любителя поэзии запахом крови разделанного мяса известного произведения классика. Но время, но война, но вонь и боль — есть оправдания этого расчленения искусства. Книга суммирует анти-искусство и анти-жизнь, коим автор является свидетелем, в обобщающую надежду на полное разрушение и потом на перерождение в неизвестном будущем, до которого читатель, непременно, доживёт.

Но, передаю перо *Асе Аксёновой*. Она написала настоящий, глубокий, многогранный отзыв-рецензию на эту книгу. Обычно рецензии читаются после прочтения авторского текста (я и сам так делаю.) Или очень часто вообще не читаются (я и так делаю тоже). Однако в данном случае я рекомендую читателю, хотя бы бегло, но проглядеть блестящую работу Аси, ибо она приподнимет несколько первых слоев этой толстой по содержанию и тонкой по исполнению книги.

Хочется добавить, что судьба успела вмешаться: Ася успела показать эту рецензию автору! Да, Бахыт отзыв о книге прочёл, и он ему понравился! Надеюсь, эта книга войдёт в резонанс и с вашей душой, дорогой читатель. Ну, а «двурогим» бездушным читать её не надо, они в ней всё равно ничего не поймут.

*Ну и как нам теперь выпивать, балагурить, смеяться
по разные стороны этой вселенной?
Эти плотские радости, тебе они снятся,
а мне больше беседовать не с кем.
Да, я опять пролистаю томик,
многое знаю почти на память.
То, что трогало, теперь по-другому,
а комок
в горле затыкает дыхание, давит сухо,
и опять
невозможно продолжить по миру,
в котором дыры
нарастают рыбака сеткой.
Я запутан в смерти, я шевелю строкáми,
и мои хрипы
застывают плавниками
наших редких
встреч. Твоя «двушка» в Сохо,
когда-то,
с шумом лифта на лестничной клетке,
жарко́е из «мор-гадов»
и те стихи, что подарил, стесняясь версии самиздата,
мол, не пристало большому поэту.
А в глазах свет и в руках дружба —
в краткое последнее лето,
по которому война болью брызжет.
Ты там, откуда не отмотать обратно.
И ты здесь, где ты нужен —
строкою, памятью, плечом, многократным
эхом пустоты моей жизни.*

*Саша Немировский
(California, Woodside, 2024)*

«ГДЕ СТОЛ БЫЛ ЯСТВ, ТАМ ЯЩИК ТЕСНЫЙ»

(Пищевые искажения в текстах Бахыта Кенжеева)

Эта книга Бахыта Кенжеева отличается от всех других его книг. Но и времена ведь отличаются от всех остальных: таких времен не было на нашей памяти. Оттого так царапает строчка «Жизнь в последние времена», что мы все задницей и кожей это ощущаем, и в затылок дышит тютчевское «Счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые». При цитировании этого стихотворения практически все, кроме узких специалистов, заменяют «счастлив» на «блажен». Пожалуй, это - рекордсмен по искажениям, вместе с тютчевским же «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», где все идут по легкому пути, располагая слова в более привычном для восприятия и артикуляции порядке: «как наше слово». Я не случайно зацепилась здесь за Тютчева: он – шифр и ключ для восприятия текстов книги Бахыта Кенжеева. Блаженный – это наивное дитя, не ведающее, что творит, либо дурачок, не воспринимающий действительности. Счастливый – это взрослый, осознающий происходящее. «Слово наше» требует ритмического, горлового усилия при произнесении, требует включенности, вовлеченности. «Наше слово» – это проходной штамп, банальная, расхожая мысль. О такого рода противодействии инерционному восприятию – эта книга.

Тютчев вообще возникает здесь опосредованно, через отсылки к деятелям мировой культуры прежних времен. Так, в стихотворении «Когда из-за подлых санкций...» описывается «остров зари багровой, Куба, любовь моя!» и присутствуют сомбреро, команданте, Педро, Бьянка, ром, мачете, янки – весь набор латиноамериканских штампов, приметы кубинского мифа, отстраненные, отдаленные – но перерастающие вдруг в российские реалии, где парик Кобзона превращается в накладную бороду Фиделя Кастро. Здесь отсылка к мыслящему тростнику Блеза Паскаля, а про него культурный читатель помнит прежде всего потому, что Тютчев использует цитату из Паскаля («И ропщет мыслящий тростник»). Смотрим у Бахыта Кенжеева: «объявив спецсафру, операцию по ручной уборке // мыслящего сахарного тростника». Сафра – это сбор, жатва сахарного

тростника, полезного растения, из которого получают сахар (символ сладости и вредности существования) и ром (крепкий напиток, любимый пиратами и бандитами). Слова «спецсафра» не существует, оно такое же корявое и так же оскорбляет слух, как слово «спецоперация». И слышится, и читается в нем еще и «спецафера», и жатва тут, естественно, человеческая, а язык этот уже давно не эзопов. Это какой-то новый, отчаянный язык, новая реальность и новые игры со смыслами. И потому здесь, как во сне или в бреду, перепутаны реалии, хронос и топос двух тоталитарных стран, смещены акценты. Сквозь кубинские реалии проступает не только современная воюющая Россия, но и дремучий Советский Союз, когда Кобзон был юн, а телевизоры – с линзами.

Как всегда, автор самоироничен, иначе бы он не был Бахытом Кенжеевым. В этой книжке мы видим несколько его масок – это и Ремонт Приборов, словно прутковский персонаж, говорящий языком пошлой и недалекой толпы заученные фразы, и Мальчик Теодор – одна из лирических ипостасей поэта, но об этом чуть ниже.

Автор пишет о себе с веселой горечью: «охренел, охрип. Разучился прощать врага» («Всяк, кто близко со мной знаком...»). Аллитерация, как это часто бывает, используется здесь для семантического усиления: охренел от увиденного и охрип, потому что голоса не хватает докричаться до обывателя, до убийцы, до людоеда, либо же охрип от постоянного крика ужаса, но дальше в стихотворении говорится: «Голосить уже ни к чему». Аллитерация в следующей строфе этого стихотворения ведет к теме апокалипсиса с его надвигающимися приметами и летящими всадниками: «Неспроста от горючих гор // надвигается мор и глад». Двое из всадников называются, двое – по умолчанию присутствуют за их спинами.

Эзопов язык – такая вещь, от которой пишущим по-русски почти в любую эпоху – не отвыкать, и Бахыт мастерски использует его в стихотворении «Мне снилось, что ты не умер...», посвященном Алексею Цветкову (о диалоге с цветковскими «Между собакой и волком» и «Эдемом» мне говорил сам автор в приватной беседе. Цветков еще несколько раз упоминается в книге, например: «цветков мизантроп и изгой», «Схоронил любимого друга в Бат-Яме, // граде русалок»): «Тонкогубый ирод

взошел осклабясь на ржавый трон», и там же «наш хронотоп (как и все иные) оказался в сущности лохотрон». Тут две трактовки: постоянно нарушенный хронотоп в ткани книги, где перетекают друг в друга времена, миры и эпохи, и то состояние российской действительности, которое есть на данный момент, когда все официально декларируемое государством – произносится в расчете «на лоха», когда наперсточники овладевают сознанием доверчивых и всовывают им в головы совершенно не то, что существует на самом деле, переписывают историю и ломают логику («сорокинской нормой окармливают народ»).

Тема принятия пищи и возлияний – сквозная у Бахыта Кенжеева – и не только в данной книге; я об этом уже писала в паре статей о данном авторе. Поэтому заголовком «корешом» Цветкова становится царь Давид, который «тоже пройдоха но часто шепчет «налей». Автор нежно и иронично обращается к ушедшему другу, упоминая «строительных журавлей», что звучало бы абсолютной бессмыслицей, если бы не настойчивая ассоциация с ивиковыми журавлями, указавшими людям на убийц поэта Ивика, возникающего в смысловом ряду среди других поэтов - Алексея Цветкова и псалмопевца царя Давида.

Я попытаюсь подробно рассмотреть контекст, когда в текстах этой книги возникают пища и алкоголь. В стихотворении про последние времена «Любое время отгремит...» заявлено: «пируй предсмертный гражданин // и пышнотелая гражданка». Поедаемое и выпиваемое – на первый взгляд, невинное и аполитичное – становится символом поглощаемой информации, сожженных пропагандой мозгов. В стихотворении «Когда мы с любимым прощались под водку...» текст произносится как бы от лица не обремененной интеллектом и моралью жены военного. Жена эта просила подарочков с войны, пригодных для кулинарных подвигов – сковородку и миксер, а получила немецкую мясорубку (отсылка ко Второй Мировой Войне), при помощи которой собирается теперь готовить домашние котлетки для своего героя. Если даже убрать дополнительные значения слов «мясорубка» (кровавая битва) и «фарш» (измолотые после битвы человеческие трупы), новые чудовищные символы нынешней войны никуда не деваются, и хтонь все равно проступает через обыденность. Эта тема еще не раз возникает в книге. В стихотворении «Шум ночного дождя...» автор пишет о невозможности докричаться до

другого: «оттого и подавлен вступивший в клуб // бьющихся головой об стену». Эти обыденность, слепота и глухота ужасают поэта в толпе обывателей: «у нее свой интерес свои заморочки // дорожающие окорочка СВО на улицах грязь // стильное платье на выпускной для дочки». Окорочка СВО – не только оторванные руки и ноги вернувшихся с войны, но и общее подорожание – продуктов и вещей (при удешевлении человеческой жизни). Эти, подорожавшие окорочка – оппозиция тому перестроечному времени, когда на улицах тоже была грязь, и народ тогда спасался гуманитарными «ножками Буша». Теперь все американское проклято, а времена подступают голодные, как всегда в момент хаоса и войны.

В другом «кулинарном» стихотворении «Я многих был прелестниц зайкой...» лирический герой – наполовину Ремонт Приборов, наполовину сам Бахыт – смешивает высокий архаичный стиль («восхитительный салат», «к чему лукавить», «пиит») с неграмотной и неряшливой речью обывателя ("Ложу в отваренную свеклу // Четыре ложки майонез»). Употребляя нарочито неправильные, рассогласованные формы, поэт вскрывает смыслы и функции вещей, дотягивает их до символа, вынимает бытовое из бытовой оболочки:

*«С утра заместо стопки водки
И малосольны огурцы
Читаю фронтовые сводки
О ходе спецопераци».*

Здесь хочется продолжить цитатой из Заболоцкого:

*«Здесь бабы толсты, словно кадки.
Их шаль невиданной красы.
И огурцы как великаны,
Прилежно плавают в воде».*

Абсурдный мир обэриутов, живших в не менее страшную эпоху, прорывается через косноязычие обывателя и через имитацию речи иностранца, изучающего русский язык и путающего падежные окончания. И здесь восхитительны все искажения и ошибки: коверкание стыдливого синонима войны, чтобы срифмовать с малосольным овощем (а это и главная водочная закуска, и фаллический символ), и коверкание

падежной формы этого овоща для придания пущей абсурдности, затем другое коверкание падежной формы, «майонез» – вместо «майонеза» (а это главный советский и постсоветский соус для бедных и нездоровых), и правильное употребление слова «чеснок» (а это главное средство от вампиров), и его не «ложит», как лирический герой – майонез, а кладет уже сам автор, поэт Бахыт Кенжеев. Завершается стихотворение символической декларацией:

*«К чему высокое искусство,
когда отечество пыхтит?
Но харч не должен быть невкусно.
Пиит такого не хотит!»*

Другими словами: верните поэту гармонию разрушенного мира, склейте обломки, мир должен быть прекрасен, еда – вкусной, чтобы не было конфликта нежного «пиита» и грубого жлобского «харча». Пусть не будет оппозиции у искусства с войной, пусть язык без искажений вернется в свое нормальное состояние. Об ощущении от разрушений еще более недвусмысленно и прямо поэт пишет в другом стихотворении книги: «Мир накрылся медным тазом рухнул нахер да» – и здесь, как и в нескольких других стихотворениях этой книги, отсутствие знаков препинания имитирует задыхание, захлебывание в пространстве, где невозможно дышать.

Образец такого же «пищевого искажения» – в стихотворении с эпиграфом из Арсения Тарковского, и с обращением к нему же: «ах арсений свет осенний голубиной почты взмах». Здесь отсутствуют не только знаки препинания, но и заглавные буквы – как в начале первой строчки стихотворения, так и в имени собственном – будто это не стихи, не запись буквами по бумаге или монитору, а пунктирная мысль в мозгу, не предназначенная для записи. Стихотворение начинается с аллитерации, и этой гармоничной нежности противостоит раскручивающийся далее страшный и пошлый образный ряд. Голубь – не только птица мира. Голубиная почта используется тогда, когда привычные коммуникации и средства связи с миром нарушены, когда захвачены почты, мосты, телеграфы, и отрублен интернет. Поэтому возникают и «сени мои сени» не только как

внутренняя напрашивающаяся рифма с именем Арсений. В народной разухабистой песне далее, за кадром – «сени новые, кленовые, решетчатые». В мире этого стихотворения «бродит с вервием пеньковым государев золотарь», где вычищатель нечистот становится главным, получает разрешение властей казнить, и вервие пеньковое - это виселица, а решетчатые сени – тюрьма. И «закат свинцом окован», потому что из свинца отливаются пули. Государев золотарь – обычный обыватель, радостно принимающий происходящее и участвующий в нем. Он же становится и доносчиком, и шпиком, и на это указывает то, что «не случайно он в гороховом плаще», в одежде царских шпииков.

Тут можно вспомнить дореволюционное шуточно-народное произведение с внезапно возникшей на кладбище фигурой «во гороховом пальте, с папироскою во рте», с той же семантической и грамматической структурой искажения, что и у Бахыта Кенжеева. Но персонаж стихотворения – не только доносчик, он же и солдат уже современной, а не царской реальности, он «в балаклаве made in China легендарен вообще». Этот типаж стукача и агрессора – вневременной: «встречных радует обычных ест крольчатин и свинин // не язычник не опричник просто добрый гражданин» – и тут уже прослеживается история России за много веков. Здесь пищевое искажение объяснено тем, что «добрый гражданин» ест не только мясо животных, поедаемое обезличивается, и жертва поедания – массовая (не кролик и свинка, а крольчатина и свинина – столько одному человеку и не нужно для ужина), он – людоед, он идет на войну, «позвонки ломая смело обреченному врагу».

Военно-пищевая тема в этой книге – сквозная. В стихотворении «Когда твой друг хворает сильно...» мы читаем о продуктовых передачах в больнице:

*«ему приносят апельсины
и много прочих вкусных ед
в углу маячит stabatmater
а гость знай в тумбочку кладет
колбаску скумбрию в томате
инжир малиновый компот
чтобы покушав мандарина
друг исцелился...».*

Автор, как это часто у него, нагружает обычные, обыденные вещи (еду из больницы передачи) дополнительными смыслами. Апельсин – и как традиционная больничная передача, и как солярный символ – не укладывается в одну парадигму с запрещенными для передач в больницу продуктами – колбасой и консервами. Апельсин мельчает, и через несколько строк превращается в мандарин (нормальный абсурдистский обэриутский прием), а скорбящую Богородицу никто не замечает, потому что усиливается и развивается тема войны, и возникает не названная, но процитированная пушкинская «Полтава», со всеми вытекающими современными смыслами:

*«трудится старенький хирург
усердно колет рубит режет
болезни нанося урон
бой барабанный крики скрежет
и смерть и ад со всех сторон».*

Далее Бахыт, как об обыденном явлении, говорит о смерти – с использованием реминисценций уже из Державина («Где стол был яств, там гроб стоит»), и фраза эта настолько хороша, что достойна стать названием этой статьи: «где стол был яств там ящик тесный».

Книга состоит из как минимум шести семантических групп. Приведем их по нисходящему вектору.

1. Тонкие лирические стихи поэта Бахыта Кенжеева. (Среди них – «Собеседницы мои собутельницы» с нежнейшей мандельштамовской интонацией, "Был мир мой страшен и прекрасен", где мы видим один из тихих лозунгов Бахыта: «Поэзия есть катапульта, предзимний морок, ясный яд». Этот ясный яд помогает автору отстраниться от существующей действительности, но и – ясно видеть происходящее, не закрывая глаз, даже будучи отравленным этим ядом. Самое страшное в стихотворении опять связано с едой: «Играют трубы. Стынет ужин. Герасим кушает Муму. // Он никому уже не нужен и не обязан никому». Здесь Герасим подвержен насилию еще больше, чем у Тургенева – его

не просто заставили убить самое любимое, что у него было, но и съесть – то есть совсем сломать жертве волю, заставив стать преступником, соучастником. Сюда же можно отнести и стихотворение «Господу все равно черногорец ты или хорват». «Давно уже не бог, не царь и не герой» – самое кенжеевское стихотворение этой книги, самое привычное его, с довоенными грустно-ироническими интонациями, описаниями и пунктуацией, с отсылками к Мандельштаму и Тютчеву, но с прорывающейся и сюда темой войны. «Я разучился складывать слова...» – страшное и горькое стихотворение о старении и возникшем вокруг хаосе, закрывающем возможность беззаботно писать стихи:

*«теперь я обыватель рядовой
с опухшей рожей лысой головой
прожорлив что известный робин бобин
растерян легкомыслен скуповат
и вроде бы ни в чем не виноват
лишь к подлости и рабству неспособен».*

Здесь наблюдаем закономерный для этой книги парадокс: Робин Бобин «скушал сорок человек», а Бахыт, здесь олицетворяющий себя с обывателем, не способен к людоедству, он всего лишь говорит о замыкающей горло немоте.

Сюда же относится одно из самых сильных, на мой взгляд, стихотворений книги – «Мне врач велел гулять...» Оно – о старении, об ужасе смерти, о созерцании обыденных сцен – как через стекло, как бы отстраненно: поэт наблюдает за нью-йоркским бездомным, «новым Диогеном», читающим газету трехлетней давности – то есть еще из довоенной, мирной жизни, сидя у «неповинной лавки», то есть у невинной, «не винной», безалкогольной лавки, и у бездомного в телеге из супермаркета, названного Бахытом по-советски – универсамом, – все его имущество. Поэт, вместе с бездомным, бросает беглый взгляд на тележку:

*«...со своим законным
имуществом – увесистым пакетом
полугнилых томатов, бессловесным
печальным кабачком, фонариком ручным*

*без батарейки, библией мормонской
на редком языке – венгерском, верно –
и доброй дюжиной перегоревших
лампад? Нет, лампочек.»*

Весь этот бесполезный уже, непригодный для жизни нефункциональный скарб, вся эта не годящаяся в пищу полугнилая снесь – символы остатков бедного существования, через которое пытается прорваться вечное, но – библия сектантская, и на непонятном для прочтения языке, а вместо лампад – перегоревшие лампочки. Поэт здесь отождествляет себя с бездомным бедолагой, и в отчаянии цепляется за привычное:

*«Еще старею я, еще воскреснуть силюсь,
но дом мой опустел, и руки опустились»..*

Сюда, конечно же, врывается столь любимый Бахытом Мандельштам с его «Еще не умер я, еще я не один...», врывается не впервые в этой книге. В стихотворении «Весенние дни становились длинней», следующим в книге, упоминается современник Мандельштама – Георгий Иванов с его «Мы жили тогда на планете другой...»:

*«мы жили среди говорящих теней
поющих зверей и растений
смородина зрела и друг баклажан
блистая боками на грядке лежал».*

Бахыт говорит о юности, когда смородина и баклажан – полны жизни и индивидуальны, не обезличены, и потому используются в единственном числе, укрупненно и утрировано, как все воспринимается в таком возрасте. Георгий Иванов около ста лет назад писал про доэмигрантское счастливое время в России. Бахыт Кенжеев переживает в стихотворении сходные чувства: уехав из России десятки лет назад, он часто бывал в Россию, с начала же войны приезд стал невозможным, как и у эмигрировавших столетие назад.

В стихотворении «Для счастья предвечный избрал эту землю...» Бахыт-лирик скорбит о человеческом безумии:

«напрасно мы репу безмозглую чешем // и медленно сходим с ума», «по городу бродят душевно больные, // беседея сами с собой». Мы можем вытащить еще один крючок, цепляющийся за «Записки сумасшедшего» Гоголя. Надвигающееся безумие пришло на не смогшую стать счастливой и гармоничной землю, и даже Харон сошел с ума: «харон бородатый хохочет недаром щербатый оставив паром». Тема сбегания в смерть возникает и в стихотворении «И слышу я: беда невелика...», где ящик Пандоры, открывшей россыпь бед, еще и ящик из идиомы «сыграть в ящик»: «и что-нибудь из Моцарта сыграй // на долгом ящике Пандоры».

Еще одно стихотворение – «Не поминайте бога все...» – страшное и сухое, как «музыка небес», в нем говорится об эпохе, «где схватка ангела с козлом», и «звезда кровоточит», а автор в ужасе это созерцает. Надо сказать, что в пародийных частях сборника, в многоголосии уродов как раз очень часто Бог поминается все и в кривом бесовском контексте, к Его имени притягивается всякая дрянь, и Им оправдываются любые безобразия.

К этой категории относится и завершающее стихотворение книги: «Был юноша весел и бледен, имея воинственный вид, // а стал совершенно безвреден и взор у него не горит» («Невесел удел стариковский»).

Тексты из первой группы – стихи Бахыта Кенжеева (такого, каким мы его знаем и любим) – но пребывающего в печали сразу по трем причинам: старость, умирание и война, и эти вещи не зависят от поэта, а поэт от них зависит.

2. Гражданская лирика Бахыта Кенжеева. Сюда относится «Вязкое время невытое вымя», где остается только «очи закрыть и на губы печать», а также «Какие там к ляду надежда и вера...» – об апокалиптическом предчувствии, и опять – с едой и возлияниями:

*«Какие там к ляду надежда и вера какие стихшки допоздна,
когда хладнокровно нагрянет холера а вслед ей завоюет война
кувалда господняя все безотказней прощальную стопку борцом
запьем ни единый двурогий от казни египетской не защищен».*

Двурогий – потому, что человек перестал быть человеком, а стал козлом и бараном, жрущим и пьющим на краю гибели, цепляющимся за привычное и стабильное... а еще немножечко – рогатым бесом.

Сюда же можно отнести и стихотворение «Полоний прячется за шторою...» с каламбурным шекспировским Полонием (а Шекспир возникает в книге не раз) - и тем, которым отравили «подполковника литвиненко»: «Лишь тень бродячего полония плывет задумавшись над ним». Сюда же можно отнести стихотворение «Простоволосая пророчица...» , где упоминаются «нынешние захолустные плутониевые времена». (недаром Бахыт Кенжеев по образованию химик). В стихотворении «Когда мы от старости косим...» мы видим совершенно страшный, фантазмагорический ряд босховско-брейгелевских персонажей, еще большую абсурдность которым придают не абсурдные, а реальные факты – типа украденного из Херсонского зоопарка енота.

А вот стихотворение «Чтобы майский сиреневый вечер сиренюю не завыл...», где страшная игра слов – уже в первой строке, где сирень смыкается с сиреной, и не с сладкопевчей, а с извещающей о бомбежке. Вообще во многих стихах этой книги цветущая весна приходит на фоне длящейся войны, и этот контраст очень силен. В стихотворении описываемое проваливается в прежнее время, когда не было интернета, а были радиоточка и газеты, но – с новыми пошлыми реалиями:

*«Чтобы не видеть на детских пилотках литерату зет,
надо бежать, следует скрыться в глубокий тыл,
вырубить радиоточку, не приобретать газет».*

Но с эскапизмом не выходит, автор оказывается насильственно вовлечен в наблюдение за соотечественниками, читающими вымышленные, как бы из царской эпохи, но не сильно отличающиеся от реальных периодические издания:

*«Соотечественники, зуб вам даю, что зря
штудируете вы передовицы «Православной зари»
и «Народного наблюдателя», зря заводите «Жизнь за
царя»*

*На патефоне покойного прадеда. Говори,
простодушная муза, не верящая утюгам
и паяльникам, поначалу ветхий, а там и новый завет
в полутьме перечитывающая по слогам».*

Здесь перетекают друг в друга разнообразные эпохи: современная, с зетом, эпоха второй мировой, с пилоткой, дореволюционная, с дедовым патефоном, бандитская из лихих девяностых с паяльником и утюгом как средством пыток (но утюг еще и метафора средств массовой информации, когда «из каждого утюга» льется пропаганда). Этому противостоят вечные ценности, на которые опирается поэт, обесцененные, нивелированные, но прорастающие через пошлость и ужас. Бахыт пишет про себя: «не жаловавший трофейного сала, ворованных пляжей не // уважавший», и здесь трофейное сало – уже не просто сало, а маркер захватнической войны, с которой поэт не хочет мириться.

Еще одно стихотворение – «Если мир земной развалится через пару скажем лет...» – где через устаревшую лексику, которой пользовались в совершенно разных культурных слоях, и через столетней давности приметы человечество отшвыривается не просто в постреволюционную эпоху – вообще в глубь веков (палица, арбалет, околица, словоерс «нет-с», причем это слово произносит не лакей, а дворянин Онегин, представитель сломанной и униженной аристократии, которого заставлял прислуживать кому-то, и тут вспоминается эмиграция первой волны, когда дворяне работали шоферами и горничными). Далее возникает конница (времен гражданской войны) и кладенец (вообще сказочный атрибут), потом происходит наслоение временных и культурных реалий – «с боевой венчаясь славою выйдет российский баатыр» – штамп времен ВОВ возникает в связи с архаичным словом «росский», отсылающим ко временам прихода Орды. На то, что это именно орда, недвусмысленно указывает слово «баатыр», также вариация тюркского «батыр», богатырь. Далее возникают конкретные реалии времен гражданской войны и первого десятилетия советской власти – с реквизированной мебелью и сжиганием книг Троцкого и Бебеля в буржуйках (а здесь по касательной возникает намек на «Конармию» Бабея, так как, естественно, у просвещенного читателя возникает в памяти

анекдот о том, что культурный человек не путает Бабеля с Бебелем). Автор опять возвращается к теме зажмуривания глаз и оглушенности посреди "антиутопии":

*«да оглох не слышу эха я но не жалеюсь друзья
потому как трогать нехуй если родина моя».*

Эта фраза полифонична: она произносится как бы от лица нового варвара, относящего себя к тому войску, которое идет грабить и разрушать, и персонаж этот оглох и ослеп из-за собственной глупости, трусости, алчности. Но здесь – и сам автор оглох, зажмурился, не в состоянии видеть происходящее, и переживает, что родину, которую он любит, захватили варвары. Естественно, оба персонажа, и новый варвар, и Бахыт вспоминают один и тот же текст Есенина: «Я скажу: не надо рая, дайте родину мою», но по-разному его трактуют.

Еще одно стихотворение на ту же тему – «Оправданный за недостатком улик...» – о том, что судили и выпустили из темницы апрель (а в книге вообще красной нитью проходит тема растоптанной и искореженной весны, тем не менее, прорывающейся сквозь ростки ада). Абсурд – в том, что судили даже не человека, а весенний месяц, и даже «могли б и повесить», но –

*«блажен пострадавший за честь без вины
которому в миске
вернули работу рубаху штаны
и место прописки».*

Самое страшное из стихотворений гражданской тематики – «В этом ветреном обесснеженном феврале...» – о современной криминальной хронике и убийствах на политическую тему, где автор с интонациями протопопа Аввакума пытается дистанцироваться от диких убийц с топорами:

*"Успокойся, дружок раскольников, не шуми.
Убери дворницкий свой топор и меня не трогай.
Дай еще пожить, поиграть с людьми,
как один акын умолял перед последней дорогой".*

Здесь – и «Ино еще побредем» протопопа Аввакума, но и просьба Христа пронести страшную чашу мимо.

В стихах гражданской тематики поэт очень резко и недвусмысленно высказывает свой взгляд на происходящее безумие, впрочем, не очень рассчитывая, что его услышат.

3. Имитация мирных, довоенных фейсбучных постов Бахыта Кенжеева. Их не очень много. Время описывается слишком не мирное. «Алкоголизм, он же злостное пьянство...» – прекрасная автоироничная бытовая зарисовка об алкоголе, смешной life hack, веселый стеб – как будто ничего не происходит, как будто все в порядке, как будто... Вот пример:

«Золотое правило номер один: не ставьте початую бутылку спиртного на прикроватную тумбочку, даже заgrimировав ее под невинный лимонад. Сон в нашем возрасте чуток и беспокоен; пробудившись среди ночи, растерянный пожилой гражданин, подобно младенцу, ненароком тянется к этой емкости, ища в ней забвения от скорбей и тягот быстротекущей жизни, так что к утру она (бутылка, а не жизнь) может оказаться не менее пустой, чем наши юношеские упования».

Это образец прекрасного довоенного стиля фейсбучных постов Бахыта Кенжеева – правда, о несвойственной для этого автора борьбе с возлияниями. Следует забавное перечисление тех напитков, которые должны противостоять крепкому алкоголю:

«Примите кефиру, кофию, кумыса, сельтерской, горячего чаю, в крайнем случае - кружку пива или бокал-другой шампанского. Отлично выручает также стакан томатного сока с гомеопатическим количеством водки, не уступает ему и охлажденный джин с тоником».

Эта милая парадигма примет мирной эпикурейской жизни не выручает, так как далее автор говорит об алкогольных соблазнах и наотмашь влетает в современные реалии, пишет о совместном интернет-выпивании с друзьями из Израиля и Украины, и sapienti sat. Хотя далее автор и продолжает тему ироничного выпивания,

прорыв неуютной действительности в тихий уют уже произошел. Еще одна такая заметка – теперь уже не про «сквозной» алкоголь, а про «сквозную» еду – «Прославленную дилогию Ильфа и Петрова...», где автор иронично пишет о лайфхаке приготовления яиц пашот в микроволновке, используя заезженный штамп из роскошной дворянской жизни – «консоме с пашотом». Но и здесь возникает оппозиция гастрономического уюта с существующим положением вещей:

"Как же приятно распространять в мире истину, добро и красоту! Впрочем, читатель имеет законное право осведомиться, с какого такого бодуна автора волнуют какие-то яичные паштеты, когда грядущие гунны уже стоят у ворот третьего Рима".

Хотя автор и иронизирует над социальным пафосом, сам никогда в таковой не впадая, за скобками читается его собственная встревоженность.

Самый знаковый прозаический отрывок как бы из дневниковой записи Бахыта – «Жизнь в последние годы...». Здесь мастерски нагнетается, утрируется основная тема – *«Повторюсь: жизнь в последнее время (или, коли желаете, в последние времена) превратилась в некое жалобное подобие существования.»*

Автор пишет про бытовые проблемы, и, как он любит, описывает принадлежащий ему предмет быта – в данном случае, хитрую таблетницу. Но в ткань якобы дневника вплетается ехидная лебядкинско-прутковская нотка, и все утрируется сильнее, чем в обычных фейсбучных постах Бахыта Кенжеева. Так, жизнь сравнивается с жюльнической куклой из резаной бумаги вместо денег, и она малопригодна *«для обмена на необходимые приметы житейского счастья вроде личного воздушного шара или миски супа из акульих плавников, в который в лучших домах вместо морской соли, говорят, добавляют подсушенную икру рыбы фугу».*

Интересны искажения: личный воздушный шарик не стоит ничего и не является предметом, необходимым для жизни. Личный аэростат – другое дело, но аэростаты относятся к эпохе

столетней примерно давности, либо являются туристическим развлечением в городах с хорошими воздушными течениями. Другое дело – улетевший шарик в песне Окуджавы, и вот он важная ценность и символ почти прошедшей человеческой жизни. Миска супа – тоже абсурд, если он из акульих плавников, так как деликатесы подают не в мисках, а в фарфоровых тарелках. Икру вместо соли употребляют, но не икру смертельной рыбы фугу. Этот все возрастающий абсурд далее присутствует в описании действий «Великой Православной Империи», начавшей «Специальную Освободительную Кампанию». Автор, применяя гротеск, все же привязывает текст к своей реальной жизни, используя цитаты из своих старинных друзей – «ядерная сноповязалка», как указывает автор, придумана Петром Образцовым, а город Кучков (Москва) возникает в песне Татьяны Полетаевой.

Самый страшный и самый лобовой прозаический отрывок – в конце книги. Там автор уже не играет, не дурачится, не примеряет маски, не использует полифонию, а говорит предельно прямо и называет войну войной, хотя и пародирует приемы массовой пропаганды, ставшие почти мемами: «Их война – это бесстыдное вооруженное ограбление. Наша война — это борьба за всеобщее счастье и справедливость». Но дальше он пишет, уже не ёрничая:

«Люди думают, что если они назовут преступление убийства «войною», то убийство перестанет быть убийством, преступлением.

Война... Я считаю ее отвратительной, но еще отвратительней мне кажутся те, кто воспевают ее, в ней не участвуя.

Жизнь – это кораблекрушение, но не забывайте петь в спасательных шлюпках».

Бахыту так страшно и больно, что он забыл про обычную для себя иронию и говорит прямо. Автор пишет о главном – о сохранении собственного достоинства посреди катастрофы. И самое страшное высказывание — о людоедстве Великой Православной Империи:

«За истекшие сутки высокоточными ракетами ударами аэрокосмических сил ВПИ по секретной военной базе НАТО в

городе N. уничтожено 269 иностранных наемников в возрасте от 3 месяцев до 87 лет».

В текстах этой категории автор пытается восстановить стилистику и тематику своих записей мирной жизни, и ему это почти удается, но ближе к концу книги он распахивает глаза и смотрит на все уже не жмурясь.

4. Стихи от лица «масок поэта»: давнишних – мальчика Теодора и Ремонта Приборова и свеженьких – озлобленного тупого обывателя и его ликующей самки. Сюда же можно отнести стихи обэриутской абсурдной направленности, например, «У столба собачка мочится...», «Я многих был прелестниц зайкой...»

Рассмотрим стихотворение «На тему борьбы с алкоголизмом», начинающееся словами: «Не пейте, братцы, политуру – она испортит вам фигуру». Стихотворение это построено по принципу отрицания всяческих алкогольных напитков и кончается так: «Зато вода «Ессентуки» отменно лечит от тоски», хотя совершенно ясно, что ничто, никакой напиток в нынешнем мире не может вылечить от тоски.

Интересно с этой точки зрения рассмотреть то ли стихотворение в прозе, то ли ритмическую прозу, то ли верлибр «Ваш покорный слуга с детства...» На первый взгляд, этот текст кажется серьезным философским размышлением, но при втором прочтении видно, что текст написан Ремонтом Приборовым, или персонажем из «Записок сумасшедшего». В бредовом пространстве этого текста, как в пространстве сна, нет нормальных объектов, всё искажено, слова и смыслы притянуты друг у другу случайным образом, словно текст создал искусственный интеллект, или перевел с китайского автопереводчик, и марево абсурда обволакивает и читателя, и автора, возникает маленькая сонная модель бессмысленной современной реальности, когда кажется, что всё происходящее не должно происходить на самом деле, оно только снится, ибо такого бреда просто не может быть. На это намекают и «искусственные пододеяльники», с которых начинается текст. Тема пищи здесь тоже затронута: «даже ученый без сахара подобен молочному поросенку, лишенному бородатого галстука». Здесь уже не параноидальная, а шизофреническая модель, когда все связывается со всем в произвольном порядке:

«если допущение о существовании Бога предполагает разумность творения, то из гипотезы о необходимости мечниковской простокваши вытекает и действительность газообразной лампочки Ильича.

Взгляните, следуя простодушному Ломоносову, в небесную бездну, полную бесчисленных ночных костров».

У слова «бездна» в этом тексте несколько значений. Это не только ломоносовское: «Открылась бездна, звезд полна», но и отсылка к скрытому значению этого слова: без дна, дно уже пробито, мир разрушился. Заканчивается этот текст фразой: «Как справедливо писал Мураками, будем когда-то и мы рысаками». Здесь, помимо внезапной внутренней рифмы, интересно отметить искажение в цитате отнюдь не из Мураками, а из романа «Пара гнедых», где «были когда-то и мы рысаками». «Будем» у Бахыта – иронично, да и писал Мураками не о рысаках, а об овце, символе жертвы и глупости, глупости жертвующего и глупости жертвы. Помимо того, автор, думаю имеет в виду и двустушие своего друга, поэта Виталия Дмитриева: «Тех, кто читает Мураками, // Я почитаю мудаками».

Стихотворение «Люди скромного таланта...» написано в хармсовско-остеровской традиции, и с соответствующими интонациями. Еще одна имитация – «Солдат выходит из вагона...» Здесь пародия сразу на несколько военных и революционных, народных и авторских песен (например, «Вот кто-то с горочки спустился...» с возникающей в стихотворении защитной гимнастеркой, сводящей с ума уже не девушку, а автора текста). Безумие ситуации опять передается через алкогольно-пищевой ряд: «на нем поллитра самогона», и идиотическое бессмысленное хармсовское высказывание:

*"Убил врагов он злобных много
в большом количестве врага.<...>
откуда взялся он отсюда
зачем томат в его руке
война порожняя посуда
грохочет где-то вдалеке
А у поэта кроткий норв
как черноморское пальто*

*люблю салат из помидоров
а из редиски ни за что"*

Поэт в этом стихотворении пародирует «Сороковые-роковые» Давида Самойлова («Война гуляет по России, // А мы такие молодые») – хорошее стихотворение о героической войне, а не о такой, как сейчас. Томат в руке – это детское усеченное слово автомат, но и – сок помидора – красный, как кровь. Автор говорит о любви к салату из помидоров как о победе над томатом-автоматом, а редиска, как мы знаем из советского кинематографического фольклора – «нехороший человек», но даже и нехорошего поэт приносить в жертву и есть отказывается.

Замечательно и стихотворение – с отсылкой к Блоку: «Ты помнишь, в нашей бухте сонной...». Оно словно написано капитаном Лебядкиным или Козьмой Прутковым, но со страшными реалиями двадцатого века, передавшего все худшее в двадцать первый:

*«Бывает, на ноже отжатом
найдет пылинку дальних мест –
и вдруг взрывается, как атом,
и человечины не ест».*

Романтический «нож карманный» становится добычей мародера, и в утверждении об отсутствии людоедства оно как раз присутствует. В стихотворениях этой категории поэт пытается при помощи гротеска, абсурда и смеха не сойти с ума.

5. Имитация идиотических газетных передовиц и расхожих штампованных прозаических заметок. Сюда же относится фантазмагорическая и антиутопическая проза. С одной такой передовицы начинается книга, зарисовка сразу вводит в контекст – и того, о чем пишется в книге, и происходящего вокруг. Зарисовка эта настолько же смешная, насколько страшная. В ней суконным языком советской прессы якобы обличаются недостатки американской жизни – с использованием всех возможных штампов и с переносом собственных проблем и недостатков на враждебную нынче Америку. Тема подорожания яиц в России подается как американская проблема:

«простому народу в этой стране привычно в очередной раз затягивать пояса, из собственного кошелька оплачивая зарубежные авантюры своего самозванного президента. Любопытно другое - какие беспомощные и лживые объяснения предлагают зомбированному населению здешние представители "второй древнейшей профессии"».

Вся заметка составлена таким штампованным и подлым языком как бы от лица представителя этой «второй древнейшей». Но, в отличие от советских антиамериканских агиток семидесятых, здесь по нарастающей проступает параноидальное и шизофреническое сознание, описывается массовая истерика зомбированной толпы: среди причин подорожания яиц в Америке называются «вспышка птичьего гриппа, вызвавшая сокращение поголовья несушек аж на 10%». Это бы ладно, но далее приводится совершенно бредовая причина возникновения этого гриппа:

«существование на территории нацистской "Украины» целых 30 сверхсекретных биолaborаторий, занимавшихся разработкой смертоносных вирусов и микробов. А роль «беспилотников», доставляющих заразу на территорию России, отводилась диким птицам. Отсюда один шаг до «опытов» на домашних курах, спешно эвакуированных в США вместе с оборудованием этих фабрик смерти после начала спецоперации по демилитаризации и денацификации вышеупомянутого террористического псевдогосударственного образования».

Все это было бы смешно, если бы такой же бред слово в слово не несли современные российские пропагандисты. Сюда же примешивается возникший в секретных лабораториях Ковид-19. Автор говорит и о второй причине подорожания яиц в Америке, и она описывается безграмотным рассогласованным языком:

«сводится к заурядной русофобии, психического расстройства, которым уже много тысяч лет страдает часть западного политического бомонда. Журналисты уверяют, что яйца вздорожали из-за взлета цен на птичий корм, особенно "органический", то есть без ГМО и вредных химикатов».

Имеется в виду, что корм этот поступал в США из России и Украины:

«Воистину, нет предела цинизму и хладнокровной лжи на страницах американских газет. Понятно, что собственная сельхозпродукция в Америке настолько пропитана пестицидами, антибиотиками и ядовитыми тяжелыми металлами, что от нее даже курочки воротят свои клювы. Тем более, что Украина, ясен пень, поставляла данный продукт бесплатно, в обмен на «услуги» так называемых инструкторов, то есть отпетых головорезов в американской военной форме».

Далее говорится о том, что все эти санкции направлены против России и возвращаются бумерангом, и преподносится очередной штампованный миф:

«Вот о чем думает сегодня безработная американская домохозяйка, объясняя своим трансгендерным детям, почему на завтрак им теперь дадут овсянку с машинным маслом вместо любимой яичницы, а на обед – гамбургер из заменителя мяса на основе израильского гороха и соевых бобов».

Завершается эта феерия упоминанием того, что и в России яйца подорожали, уже практически щедринским языком:

«на Родине Слонов вопрос удостоился благосклонного внимания самого Солнцеликого. Он оперативно установил его истинные причины (рост потребления со стороны богатеющего населения), подверг заслуженной критике нерадивых чиновников, вовремя не закупивших куриных яиц в дружественном Иране и КНДР, и издал соответствующие указы».

Далее бред увеличивается до крайнего градуса и приобретает уже гоголевские формы из «записок сумасшедшего:»
«Яиц (как и танцоров) у нас теперь такое изобилие, что из их скорлупы изготавливают плитку для мощения московских улиц, а инвалидам Специальной Освободительной Кампании они отпускаются не только бесплатно, но и с лафитничком russkaya vodka в придачу. Имеющий уши да слышит!»

Такой же образчик параноидального бреда – отрывок «Пагубность так называемой вакцинации...», где используются все реальные мифы и фобии времен ковида, но усугубленные возникшей в последние два года ненавистью ко всему европейскому, когда даже российская императрица Екатерина Великая называется «гессен-дармштадтской дамой легкого поведения» и агентом ЦРУ, про вакцинацию говорится, что она возникла *«после Великой Провокации транснациональных фармацевтических компаний, которые сначала вывели вирус пресловутого «ковида», затем выпустили его в окружающую пятницу, раздули всемирную панику».*

Тут забавна игра слов – предполагаемый автор параноидального сознания настолько глуп и безумен, что путает значения слов и дни недели – оттого и происходит этот неловкий каламбур, и подмена окружающей среды окружающей пятницей.

Безумие это наращивается и отягощается, а логика покидает текст все стремительней и стремительней – используются все мифы: антиевропейский, антисемитский, антипросветительский, антипрививочный, антимедицинский. Об открытии Пастера говорится так: *«Помнятся и «заслуги» пресловутого русофоба Луи Пастера, благодаря которому весь доверчивый мир сегодня пьет молоко исключительно «пастеризованное», т.е. убитое гамма-радиацией, нитритами и химической имитацией витаминов»*

(и тут вспоминается незримо присутствующая на авторе такого заявления шапочка из фольги). Упоминаются и европейские богачи, покупающие «подгнившие сыры из непастеризованного молока». Молоко является одним из наиболее семантически нагруженных библейских и мифологических продуктов – вспомним землю, текущую молоком и медом, козленка, которого нельзя варить в молоке его матери, и сказочные молочные реки, кисельные берега. Молоко – символ жизненных сил, связи с родом, изобилия, здоровья, недаром говорится про румяные лица: «кровь с молоком». Сейчас это выражение, правда, приобретает не присутствовавший изначально смысл. Кончается текст скатыванием в уже явное и неприкрытое безумие, в любовную цитату из «Записок сумасшедшего» Гоголя:

«Что ж, как выражается мудрый русский народ, без молочки нет и выпечки, а где буллинг – там и троллинг.»

Добавил бы, что у алжирского бея под самым носом шишка, но это и так самоочевидная истина».

Бахыт приводит совершенно чудесный образчик пропагандистского вранья и передергивания, и в научной части, и в части цитирования: только придуманный бред выдается за народное выражение, за чуть ли не пословицу (вероятно, по аналогии с «где тонко, там и рвется»), а откровенный бред безумца называется самоочевидной истиной.

Другой такой текст – «Жили были в одном скромном райцентре...» – не совсем передовица. Это, скорее, зарисовка с точки зрения на все готового и со всем согласного обывателя, который обладает некоторыми литературно-художественно-философскими склонностями. В заметке с самого начала перепутаны смыслы – уже в именах двух персонажей – Зимняя Щетка и Зубная Шапка, двух из трех чеховских героинь, (имя третьей сестры вообще «кануло в древнегреческую Лету, она же Стикс»). Зимняя шапка и зубная щетка – полезные и нужные вещи. Зимняя щетка и зубная шапка – нефункциональный и бесполезный бред. И даже Стикс, приобретя неожиданный словоерс (в другом тексте, мы помним, словоерс использует ставший лакеем Онегин), является уже не величественной загробной рекой, а чем-то глупым, пошлым и находящимся в границах разума лакея. Две сестры, промышляющие патриотической проституцией и плетением сетей для фронта, занимаются также приготовлением пищи, и хозяйственные беседы их про масло и дрожжи были бы вполне вменяемыми – но пищевое искажение происходит и тут, и когда упоминается штамп «румяные пирожки с капустой по рецепту старушки-мамы», и когда появляется тарелка *«отборных морепродуктов типа скорбной беременной селедки или толстеньких калининградских шпрот»*.

Мы наблюдаем подмену понятий: морепродуктами называются в нормальном, неискаженном мире, и, в частности, в более ранних текстах самого Бахыта, не импортозамещенные селедка с российскими шпротами, а омары, крабы и устрицы. Предельное же доведение до абсурдизма всей ситуации в целом – идиотские и смешные рифмы: «тут даже рифмы стройные навстречу им бегут: «хлопотам - гиппопотам, продрог - единорог, жираф - смертью смерть поправ». Набор совершенно случайных

понятий, подобранных в рифму, заведомо не съедобных, и даже не существующих, как единорог, животных показывает абсурдность и притянутость за уши к здравому смыслу всей философии войны.

Еще один прозаический набросок – имитация описаний средневековых путешествий, таких, которые упоминались у Александра Островского – с мифами про заморских людей «с песьими головами». Получается отличная стилизация пера не очень образованного древнего российского путешественника – с описанием европейского быта и пищевых привычек – абсурдное и неверное, но с нахрапом и апломбом:

«Живут европцы собирательством и охотой. Растят они просо, соевые бобы и редьку, диких грибов чураются даже в голодные годы, полагая их ядовитыми, зато поедают лягушек и сушеную саранчу, а у германцев принято также питаться плодами диких колбасных деревьев, запивая их неким подобием вина, которое они варят из проросшего ячменя и соцветий хмеля».

Отметим, что соя и дайкон – японская, а не европейская пища, саранча – китайская, лягушки – не единственная французская еда, но – символ и штамп, а про колбасные деревья просто очень смешно. Далее происходит нагон бреда в виде упоминания охоты «европцев» на чаек и слова о разорении птичьих гнезд ради еды, и – упоминание охоты на огромных черепаха, из панцирей которых европейские дикари делают лодки, и это уже – явная отсылка к мифу о том, что Земля стоит на слонах и черепахе (слоны в этом тексте появляются тоже). Далее воспроизводится вся парадигма штампованных ужасов о разврате, нищете и беззакониях, царящих в Европе: *«Процветают законные браки со слонами и саламандрами, 98% детей рождается с помощью искусственного оплодотворения от суррогатных матерей из Пакистана и Молдавии (...) Аборты, обязательное умерщвление стариков и душевнобольных, а также операции по смене пола за казенный счет»* и прочий пропагандистский бред – все это нагнетается ради ударной заключительной фразы:

«В древности, еще до воздвижения Скрепоохранной Стены, наши приграничные области нередко становились жертвой опустошительных набегов европцев, забравших местное

население в рабство и расхищавших запасы пеньки, комбижира и березовых дров. Слава святому Георгию-Победоносцу, ныне мы надежно защищены от зарубежных дикарей».

Как мы помним, пенька – это то, из чего делают веревки для виселиц, а комбижир не очень-то вкусен. Мертвые березовые дрова – это то, во что превратились русские березки, по которым обычно страдают эмигранты из России.

Еще один прозаический текст – в жанре антиутопии — как раз о том, как Россия победила «европцев», и что из этого вышло: «"Известно," – заметил Платон Андреевич...» – один из самых интересных и страшных, но при этом изящно стилизованных текстов книги. Тут и отсылка к пушкинскому отрывку «Гости съезжались на дачу...» («Гости разъезжаются с дачи усталые...»), и искаженный миф плоскоземельцев: «*вода, оставленная открытой на воздухе, довольно скоро становится совершенно плоской*». В отрывке изображена вроде бы идиллическая картинка застольного дачного интеллигентского разговора. Имена у участников беседы – утрированно интеллигентские: Платон Андреевич, Серафима Леонидовна, Моисей Израилевич, Людмила Кирилловна, со всеми зашифрованными в этих именах культурными отсылками – и к философу Платону, и к шестикрылому Серафиму, и к Моисею, водившему народ Израиля по пустыне, что в контексте современной России (так и не выветрившей из себя рабство) вполне символично, и к всеобщей любви человечества и к человечеству. Однако при прочтении наблюдаются расплзающиеся дыры на ткани повествования, а выращенные на земле овощи повторяют печальную судьбу людей, причем об этом сообщают сами герои: «*в сущности все, как у людей*»: «*озимый патиссон <...>загребел в концентрированный лагерь, где благополучно и сгинул, закусанный до плачевного состояния своими товарищами по несчастью*».

Герои застолья подхватывают эту печальную тему практического каннибализма, и делятся вкусными рецептами: маринованные патиссоны со смородиновым листом и укропом, которым не годятся в подметки «заморские цукини», баклажаны и огурцы. Один из собеседников как бы пытается не согласиться и отделить

овощи от людей: *«Ведь у людей все-таки есть вера, едва ли не главное, что отличает нас от овощей и других парнокопытных».*

Утверждение это смешно, так как вся книга, увы, об утрате веры и расчеловечивании, об уподоблении человека бездушному и бездумному овощу, или жертвенному животному. И овощи, и животные в любой момент могут быть съедены. Особенно страшен последний абзац этого текста: дача оказывается абсолютно постапокалиптическим пространством, гости сидят в «уютном подвале», закат нарисован хозяйкой при помощи искусственного интеллекта, люди радуются редко доступным воде, электричеству и интернету. Самое страшное тут – желтая скатерть с лавандой, гордость хозяйки, *«привезенная когда-то из освобожденного Прованса, где она в молодости служила снайпером».*

По-царски щедрый пир в новой реальности являет собой скудную пищу совсем уж чудовищных бомжей и хануриков, но это – все, что остается российской элите после этого будущего, после якобы «освобождения», а на самом деле, захвата Европы. Серафима *«расщедрилась на две банки бычков в томате, сварила изрядное количество перловой каши, сдобренной первосортным пальмовым маслом, и даже выставила для джентльменов бутылочку тройного одеколona из довоенных запасов.»* Гости тоже принесли щедрые дары: горчицу, драники и молотый цикорий: то есть горькое, дешевое драное и «симулякр», дешевую замену кофе. Жалкая трапеза – удел победителей страшной Европы, и победители эти торопятся домой «до наступления комендантского часа».

Еще один прозаический кусок – описание нашей планеты глазами инопланетянина: «Обитаемая планета...» Здесь, конечно, используется мем о том, что непонятно, что делать в сложившейся страшной ситуации, чем помочь людям, страдающим от войны, и как все прекратить – и саркастическое заявление о том, что все могут прекратить разве что инопланетяне, если прилетят. Это такой отстраненный взгляд сверху, взгляд носителей другой культуры и других ценностей, и люди здесь названы примитивными «грызунами», одевающимися в «выделанные

шкуры военнопленных»: *«жители Земли разделяются на племена, иной раз весьма многочисленные, образующие так называемые «государства» во главе с наиболее ловкими и хитрыми прощелыгами, обыкновенно враждующие друг с другом и тратящие основную часть бюджета на орудия убийства других грызунов <...>высшую ценность имеет <...>съестное».*

Автор делает отсылку к «Интернационалу» и блоковским «Скифам, которыми так любят гордиться российские патриоты»: *«стремительно забывали о едва усвоенной цивилизации, до основанья разрушали свои хижины и капища, а затем бежали в дикие степи с целью ломать коням тяжелые крестцы и усмирять рабынь строптивых»*

К текстам этого раздела можно отнести и имитацию странички школьного учебника, или якобы энциклопедической статьи про Достоевского, или дурного школьного сочинения, где все перепутано, искажено, извращено. Анна Каренина как якобы героиня Достоевского, названа известной поэтессой, например, или «Прекрасная мельничиха» Вильгельма Мюллера причисляется к произведениям Достоевского. Можно считать также, что этот текст против Искусственного Интеллекта – написан самим ИИ, причем оператор, задавший тему для написания – шизофреник и параноик, боящийся засилья ИИ. Так на известном рисунке Эшера рука рисует рисующую руку: *«Он вполне может вырваться на свободу, отрастить себе вольфрамовые клыки, взять на вооружение боевых комаров, создать армию себе подобных и пойти войной на человечество.»*

В тексте пишется, как ИИ может рисовать, сочинять графоманские верлибры и (см. выше) школьные сочинения на троечку с минусом.

«В общем, товарищи, будьте бдительны. И в любом случае не забывайте, садясь за компьютер, надевать на голову шапочку из фольги, чтобы защититься от канцерогенного биополя, которым уже сейчас окутывает вас искусственный разум, очередное порождение мирового правительства».

К сожалению, этот пародийный и бредовый текст – точная имитация массового бреда, и с этим непонятно что делать. В

текстах этой категории автор пытается смеяться над массовым безумием, пародируя самые яркие его проявления.

б. Имитация идиотических стихотворных патриотических текстов («Баллада об СВО»). «Не спасет вас злобный вой, // шавки байдена и шольца»; «притаились у «Хаймарса» // педофил и либерал» – это пародия на стихи поздней, страдающей от сенильных изменений бывшей когда-то очень талантливой Юнны Мориц. «Европейские гиены, // что не знают гигиены» – отсылают к «вялым сисям Европы» некогда талантливого Игоря Караулова (и, парадоксально, к песенке удрученного ужасами жизни гиппопотама из американской детской книжки «Приключения Гомера Прайса»). Ну а «Есть у Феди-патриота // в мире лучшая работа - // верить в Родину свою» – тоже пародия на детскую литературу: чудовищную военную книжку-раскраску бывшего хорошего поэта Дмитрия Артиса.

Такой текст один. И достаточно, ибо вся масса такого рода поэзии безлика и однотипна, даже если когда-то у этого рода авторов были свои лица.

Эти, казалось бы, никак не соприкасающиеся друг с другом пласты, все шесть, совмещены в странный узор, наподобие лоскутного одеяла, и это у Бахыта впервые, но и время такое для нас всех наступило впервые.

Ася Аксенова

НА ДОЛГОМ ЯЩИКЕ ПАНДОРЫ.

I.

Американцы любят кичиться своей воображаемой «свободой». Продажные местные СМИ цепляются за едва ли не любой высосанный из пальца повод, лишь бы поднять истерический вой по поводу «нарушений прав человека» в странах, которые не желают быть марионетками дяди Сэма.

Между тем за последний год цены на куриные яйца в Америке, как практически и на все остальные товары, резко подскочили. Официальная «статистика» утверждает, что на 38%, а рядовой потребитель видит своими глазами, что едва ли не в два раза. Что ж, простому народу в этой стране привычно в очередной раз затягивать пояса, из собственного кошелька оплачивая зарубежные авантюры своего самозванного президента. Любопытно другое – какие беспомощные и лживые объяснения предлагают зомбированному населению здешние представители «второй древнейшей профессии».

Первая «причина» – вспышка птичьего гриппа, вызвавшая сокращение поголовья несушек аж на 10%. Возникают законные вопросы. Скажем, между 10% и двукратным подорожанием, как говаривал еще поэт Сумароков, «дистанция огромного размера». Еще существеннее то, что все без исключения источники предпочитают хранить гробовое молчание о причинах этой загадочной эпидемии. И неудивительно – ведь не нашлось в Америке ни одного политика или журналиста, который с пеной у рта не отрицал бы существование на территории нацистской «Украины» целых 30 сверхсекретных биологических лабораторий, занимавшихся разработкой смертоносных вирусов и микробов. А роль «беспилотников», доставляющих заразу на территорию России, отводилась диким птицам. Отсюда один шаг до «опытов» на домашних курах, спешно эвакуированных в США вместе с оборудованием этих фабрик смерти после начала спецоперации по демилитаризации и денацификации вышеупомянутого террористического псевдогосударственного образования. Хворые курочки, естественно, распространили инфекцию среди своих американских подружек – вот и вся история. Вам она ничего не напоминает? Вы уже забыли, как вырвался на свободу (а скорее всего был выпущен намеренно) вирус КОВИД-19 в китайской Ухани, где тоже шли изумительные опыты на «гранты» ЦРУ?

Вторая «причина» сводится к заурядной русофобии, психического расстройства, которым уже много тысяч лет страдает часть западнойго политического бомонда. Журналисты уверяют, что яйца вздорожали из-за взлета цен на птичий корм, особенно «органический», то есть без ГМО и вредных химикатов. И проговариваются: оказывается, этот корм поступал в США «в основном» из РФ и «Украины». И тут же, так сказать, не отходя от кассы, обвиняют в перебоях с поставками не кого иного, как Россию! Воистину, нет предела цинизму и хладнокровной лжи на страницах американских газет. Понятно, что собственная сельхозпродукция в Америке настолько пропитана пестицидами, антибиотиками и ядовитыми тяжелыми металлами, что от нее даже курочки воротят свои клювы. Тем более, что Украина, ясен пень, поставляла данный продукт бесплатно, в обмен на «услуги» так называемых инструкторов, то есть отпетых головорезов в американской военной форме. Эта халява для американских фермеров отныне навсегда закончилась. А что же Российская Федерация? Против нее под надуманными предложениями объявлены жесткие санкции, направленные на удушение народного хозяйства. Цель – смехотворная, оружие – ржавое. И оказывается, на деле эти самые санкции оказались больше похожи на бумеранг, чем на бескрылую англосаксонскую ракету. Вот о чем думает сегодня безработная американская домохозяйка, объясняя своим трансгендерным детям, почему на завтрак им теперь дают овсянку с машинным маслом вместо любимой яичницы, а на обед – гамбургер из заменителя мяса на основе израильского гороха и соевых бобов.

P.S, Менее года спустя куриные яйца подорожали, хотя отнюдь не столь катастрофически, и в Великой Православной Империи. Что ж, всякое случается! Но если в так называемых США правящая хунта бесстыдно закрыла свои заплывшие жиром глаза на эту внештатную ситуацию, то на Родине Слонов вопрос удостоился благосклонного внимания самого Солнцеликого. Он оперативно установил его истинные причины (рост потребления со стороны богатеющего населения), подверг заслуженной критике нерадивых чиновников, вовремя не закупивших куриных яиц в дружественном Иране и КНДР, и издал соответствующие указы. Яиц (как и танцоров) у нас теперь такое изобилие, что из их

скорлупы изготавливают плитку для мощения московских улиц, а инвалидам Специальной Освободительной Кампании они отпускаются не только бесплатно, но и с лафитничком russkaya vodka в придачу. Имеющий уши да слышит!

Когда твой друг хворает сильно
и угрождает в лазарет
ему приносят апельсины
и много прочих вкусных ед
в углу маячит *stabat mater*
а гость знай в тумбочку кладет
колбаску скумбрию в томате
инжир малиновый компот
чтобы покушав мандарина
друг исцелился и опять
как бы молодая балерина
мазурку начал танцевать

жаль все не так в подлунном свете
где слишком много орк и урк
имея мужество в предмете
трудится старенький хирург
усердно колет рубит режет
болезни нанося урон
бой барабанный крики скрежет
и смерть и ад со всех сторон
но безнадежна *cosa nostra*
и неприступен сей редут
медсестры наши сабли остры
домой печальные бредут

не верьте медицине честной
увы бессильна и она
где стол был яств там ящик тесный
и стопка бледного вина
мораль сей басни неприятна
прощай беспечный братский пир
татап роди меня обратно
как умолял еще шекспир
зачем сынку скучать во гробе
как прадеды и праотцы
блаженны мертвые в утробе
и непитавшие сосцы

Я многих был прелестниц зайкой
Служенья музам был пример
А стал простой домохозяйкой
И вообще пенсионер

С утра заместо стопки водки
И малосольны огурцы
Читаю фронтовые сводки
О ходе спецопераци.

Потом, чтоб сердце не промокло
От стариковских тщетных слез,
Ложу в отваренную свеклу
Четыре ложки майонез.

Да и чеснок (к чему лукавить!),
Словно Юлаев Салават,
Кладу, чтоб правильно заправить
Свой восхитительный салат

К чему высокое искусство,
когда отечество пыхтит?
Но харч не должен быть невкусно.
Пиит такого не хочет!

Когда мы с любимым прощались под водку
И он обнимался со мной,
Я скромно просила прислать сковородку,
А может быть, миксер ручной.

Как он целовал мою верхнюю губку,
Шепча расставанья слова...
И вдруг, наконец, мне пришла мясорубка!
Стою ни жива, ни мертва.

Немецкая! Дивная! Не из Китая!
Красотка! Две тысячи ватт!
Любуюсь, смеюсь, и тихонько мечтаю
Как милый вернется назад.

Не вечно играют военные марши,
С победою будем опять!
Теперь никогда магазинного фарша
Не стану уже покупать.

Так будь же бесстрашен, отважен и меток!
Держи несгибаемый строй!
А я настоящих домашних котлеток
Нажарю тебе, мой герой.

Всяк, кто близко со мной знаком,
за глаза давно говорит,
что недобрым стал старичком
жизнерадостный ферт бахыт.

Был и я золотой пострел,
по ночам в барабан стучал.
Каюсь, милые, постарел
и порядочно одичал.

Потому ли, что жизнь долга,
под конец охренел, охрип.
Разучился прощать врага,
слушать шелест осенних лип

и нести стихотворный вздор,
подпевая горлице наугад.
Неспроста от горючих гор
надвигается мор и глад.

Неужель наше дело швах?
Голосить уже ни к чему.
Лишь под пеплом помпейский Вахх
выцветает в пустом дому.

Когда из-за подлых санкций вышли все гербициды,
пропали из магазинов сомбреро, и напрочь исчез бензин
для кукурузников, что, кроме ярости и обиды,
должен испытывать родины верный сын?

Но! В дни испытаний наш команданте зоркий,
вновь доказал миру, как воля его крепка,
объявив спецсафру, операцию по ручной уборке
мыслящего сахарного тростника.

Не огорчайся, Педро. Переведи дыхание.
Не жалей ядовитого сорняка, не кричи во сне.
Вспомни, что ром из него - заборист, благоуханен -
Приносит немало ценной валюты родной стране.

Не забывай поцелуя прощального от невесты Бьянки,
Противогаз и мачете получив за казенный счет,
и возликуй, сжимая повестку. Пусть от зависти сдохнут янки.
Всякого патриота к подвигу жизнь влечет!

И если бывает мир совершенен – вот он.
КВН с громоздкой линзой, застывшая перед ним семья.
Юный Кобзон в накладной бороде, с игрушечным пулеметом.
Остров зари багровой. Куба, любовь моя!

* * *

Dolce far niente! Я к тебе готов.
Столько во френд-ленте птичек и котов,

Столько воя Вия (жизнь почти прошла),
И младенцев, и элитного бухла!

А на дальнем Крите тишь да благодать.
Дети! Погодите мыслить и страдать.

Дикие ли розы, пыльная лоза,
золотые козы, черные глаза –

чувствуя неладное трезвый военком
бродит ариадною с шерстяным клубком

* * *

мне снилось, что ты не умер, а отчалил в несусветную глушь
галлию, месопотамию, или в еще немодный тибет,
где знай пляшут вокруг костров толпы заблудших душ
но отсутствуют канализация и интернет

наш хронотоп (как и все иные) оказался в сущности лохотрон
исподтишка взяли нас в гребаный оборот
тонкогубый ирод взошел осклабясь на ржавый трон
и сорокинской нормой откармливает народ

а у тебя теперь в корешах царь давид
тоже пройдоха но часто шепчет «налей!»
ты с ним поешь должно быть имея ангельский вид
позабыв древесную шерсть и строительных журавлей

II.

Ваш покорный слуга с детства терпеть не может искусственных пододеяльников.

Оно и не удивительно, поскольку даже ученый без сахара подобен молочному поросенку, лишенному бородатого галстука.

Однако и упругость летучего мрамора следует отличать от удручающей растворимости ископаемого квадрата.

Не случайно же один подержанный ресторанный лакей (которого Лев Толстой почему-то пышно именовал крымским татаринном) под утро видит иные сны, чем лысеющий астрофизик или многочасовая петрозаводская лама.

И то сказать - если допущение о существовании Бога предполагает разумность творения, то из гипотезы о необходимости мечниковской простокваши вытекает и действительность газообразной лампочки Ильича.

Взгляните, следуя простодушному Ломоносову, в небесную бездну, полную бесчисленных ночных костров. Легко ли поверить, что едва ли не все они еще в допотопные времена совершенно погасли, превратившись в черные дыры или белых карликов в потешных колпаках, расшитых разноцветным бисером? Свет этих бывших звезд, однако, продолжает путешествовать в безвоздушном пространстве космоса.

Приблизительно то же самое можно застенчиво утверждать и о Боге.

Как справедливо писал Мураками, будем когда-то и мы рысаками.

* * *

мир накрылся медным тазом рухнул нахер да
чудный свет что был предсказан дамы господа

никого уже не лечит тьма алмазных звёзд
тыщи поминальных свечек на казенный кошт

взвоем о святом граале станем hände hoch
отшумели проиграли ах а может ох

плачу auf wiederseen мой слепой авгур
заблудившийся в музее восковых фигур

* * *

вязкое время невытое вымя
лада-калина сармат-посейдон
и призывая сплотиться во имя
воет упитанный пропагандон

хор александрова родина розог
зоркая область любви и труда
где золотятся колосья березок
мирно пасутся медвежьи стада

что ж поклянемся священной клятвой
очи закрыть и на губы - печать
чтоб на господнее «каин где брат твой?»
даже под пытками не отвечать

Вечерний, сизокрылый, благословенный свет...

А.Тарковский

ах арсений свет осенний голубиной почты взмах
ой вы сени мои сени мебель новая в домах
где закат свинцом окован и за окнами как встарь
бродит с вервием пеньковым государев золотарь

ухмыляясь не случайно он в гороховом плаще
в балаклаве made in China легендарен вообще
встречных радует обычных ест крольчатин и свинин
не язычник не опричник просто добрый гражданин

но когда он за трудами не мешай ему не тронь
претворять живое пламя в очистительный огонь
было слово стало дело хладным телом на снегу
позвонки ломая смело обреченному врагу

собеседницы мои собутыльницы
пожилые подруги мои
по ночной безработице

я об огненных отдаленных шарах
которые древесные мудрецы
полагали высшими видами жизни

чего не придумаешь ради прокорма
но мы-то умней нам энгельс давно насвистел
что жизнь всего лишь литейная форма

существованья белковых тел

БАЛЛАДА ОБ СВО

Мальчик Федя был subtilный
и немножко инфантильный –
над романами рыдал,
на военной подготовке
не умел собрать винтовки
и в мишень не попадал

Но в годину испытаний
он пошел на поле брани.
Не спасет вас злобный вой,
шавки байдена и шольца!
Бойтесь, падлы, добровольца
в теплой шапке меховой!

Европейские гиены,
что не знают гигиены,
гадят кто во что горазд.
В русской роще не для фарса
притаились у «Хаймарса»
педофил и либераст.

Ратный труд нелегок, братцы.
Но чего там разбираться –
что бы ворог ни трындел,
не страшится Федя НАТО,
у него в руке граната,
а в кармане «Искандер»

Жить с друзьями будем в мире,
а врагов мочить в сортире
и вертеть их на .ую.
Есть у Феди-патриота
в мире лучшая работа –
верить в Родину свою!

Был мир мой страшен и прекрасен. Как Достоевский идиот,
я сочинял немало басен, романсов, песенок и од,
жрал граппу, в шубе из барана на резвых девушек глядел -
но стал похожим на варана и очутился не у дел.
Се, ныне, удрученный горем, сиречь молчанием, ей-ей,
практически уже покорен невзрачной участи своей.

Не бухгалтерия минкульты, где клерки в очередь стоят,
поэзия есть катапульта, предзимний морок, ясный яд,
а может быть, еще хитрее. Ах, как в контексте данном жаль
что так стремительно старею, как механический рояль!
Играют трубы. Стынет ужин. Герасим кушает Муму.
Он никому уже не нужен и не обязан никому.

какие там к ляду надежда и вера какие стишки допоздна,
когда хладнокровно нагрянет холера а вслед ей завоюет война
кувалда господняя все безотказней прощальную стопку борщом
запьем ни единый двурогий от казней египетских не защищен

и ты растерялся и я спотыкаюсь привет смертоносный ликбез
печалится лис и скитается аист негостеприимных небес
еще по старинке мы квасим и солим латунный клинический свет
но меж си-диейзом и ля-бемолем оглохшему разницы нет

господу все равно черногорец ты или хорват
для того он и создавал нас еще не сойдя с креста
воздвигать коллизей херсонес анкор ват
и другие пленительные места

святотатствовали кряхтели замешивая бетон
разжигали чтобы согреться костры в ночи
издавали воспетый бардом бурлацкий стон
на горбу таская бесплодные кирпичи

никому мы не снимся больше и никому не лжём
оставляйте гавань сосновые корабли
пили жидкое пиво любили детей и жён
но подобно Марине Ц. исчезли с лица земли

и когда ты во сне хрипя пробужденья ждешь
не молись чтобы снова стало весело и светло
потому что жизнь это моль октябрь обложной дождь
а ферапонтово северное село

Мне врач велел гулять. И я ответил: «Есть!»

Смотрю, как некий новый Диоген
в шотландской ярко-клетчатой рубаше
пристроившись у неповинной лавки
на ветхом одеяле, изучает
Newsweek трехлетней давности, порою
бросая беглый исподлобный взгляд
на проволочную тележку из
универсама со своим законным
имуществом - увесистым пакетом
полугнилых томатов, бессловесным
печальным кабачком, фонариком ручным
без батарейки, библией мормонской
на редком языке – венгерском, верно –
и доброй дюжиной перегоревших
лампад? Нет, лампочек.

Ютится, не спеша,
апрельский день, и в сквериках окрестных
горят нарциссы, первые солдаты
глухой весны. Good-bye, шепчу, прощай.

Еще старею я, еще воскреснуть силюсь,
но дом мой опустел, и руки опустились.

весенние дни становились длинней
 а хрупкие ночи - бесценней
 мы жили среди говорящих теней
 поющих зверей и растений
 смородина зрела и друг баклажан
 блистая боками на грядке лежал

белел в отдалении парус тугой
 как словоохотливый демон
 и даже цветков мизантроп и изгой
 считал эту юность эдемом
 куда она делась зачем унеслась
 блаженная словно советская власть

спи время мое незлопамятный лед
 прививка от вечного горя
 билет прикуплю на ковер-самолет
 нацелюсь на Мертвое море
 где вобла укутана в вязкий тузлук
 не ведает встреч и не чаёт разлук

не там ли безглазая речь солона
 когда сплетена из вискозы и льна
 слезинки чужого ребенка
 стирается рвется где тонко
 и вдруг понимаешь всемогущен аллах
 но вряд ли он смыслит в подобных делах

* * *

я разучился складывать слова
а было просто словно дважды два
зияла и светилась ноосфера
пока я пил и пел на языках
и ноты перекатывались как
те камешки во рту у демосфена

немногие читатели меня
давно и вы отвыкли от огня
страстей июльский дождь дорога к дому
где вымыт пол и не скрипит кровать
не так сложна наука выживать
как кажется заложнику седому

теперь я обыватель рядовой
с опухшей рожей лысой головой
прожорлив что известный робин-бобин
растерян легкомыслен скуповат
и вроде бы ни в чем не виноват
лишь к подлости и рабству неспособен

* * *

люди скромного таланта
проживают тоже скромно
грустно ходят на работу
и детей растят простецких
нет у них автомобиля
телефон у них китайский
вредный маленький начальник
и сердитая жена

люди среднего таланта
прозябают тоже средне
лишь в малаховке на даче
земляничное варенье
ни ковров у них туркменских
ни стекол венецианских
никакого смысла жизни
ни коровы ни козы

а который если гений
в генеральском скажем чине
грандиозную зарплату
в негорючий сейф кладет
он летает бизнес-классом
отмечает отпуск в Сочи
у него ротвейлер грозный
и четырнадцать котов

* * *

«Чтобы майский сиреневый вечер сиреною не завыл,
чтобы не видеть на детских пилотках литерату зет,
надо бежать, следует скрыться в глубокий тыл,
вырубить радиоточку, не приобретать газет.

Соотечественники, зуб вам даю, что зря
штудируете вы передовицы «Православной зари»
и «Народного наблюдателя», зря заводите «Жизнь за царя»
на патефоне покойного прадеда. Говори,

простодушная муза, не верящая утюгам
и паяльникам, поначалу ветхий, а там и новый завет
в полутьме перечитывающая по слогам.
Если в жизни и есть тайный смысл, то в смерти обычно нет

Так и ваш покорный, в юности бывший куда умней,
не жаловавший трофейного сала, ворованных пляжей не
уважавший, рано смекнул, что пора смотаться в царство теней
и ему подфартило. Обжился в дивной стране.

Схоронил любимого друга в Бат-Яме,
граде русалок. Узнал, что такое плуг и соха.
Слышал в кубинском квартале близ Майами
хриплый утренний крик бойцового петуха.

* * *

полоний прячется за шторой и рассуждает как матрос
что старость это рим которая взамен турусов и колес
а князь окрестного поместья семейной драмой удручен
несостоявшегося тестя разит асфальтовым мечом

такая братцы летка-енка дырявый газовый баллон
где подполковник литвиненко был столь же подло умерщвлен
мир солонее и бездоннее от века мучится одним
лишь тень бродячего полония плывет задумавшись над ним

* * *

если мир земной развалится через пару скажем лет
бедным палица останется а богатым арбалет
устаканится околица и онегин молвит нет-с
у горячих вьется конница а у дохлых кладенец

с боевой венчаясь славою выйдет русский баатыр
созерцать поля кровавые созывать на смертный пир
реквизированной мебели не желая воровать
будет Троцкого и Бебеля для буржуек раздавать

добрый день антиутопия валаамова осла
не взрастет цветочков опия на могилках без числа
да оглох не слышу эха я но не жалеюсь друзья
потому как трогать нехуя если родина моя

III.

Жили-были в одном скромном райцентре две полнотелые сестры-тёзки, которых звали соответственно Зимняя Щетка и Зубная Шапка. Существовала некогда и третья, та самая, которая после продажи вишневого сада релоцировалась в Москву, но след ее с тех пор неузнаваемо затерялся, а неказистое имя само собой кануло в древнегреческую реку Лету, она же Стикс-с.

Промышляли девушки преимущественно продажей собственных тел во временное пользование проезжавшим мобилизованным, однако не брезговали и плетением маскировочных сетей для фронта, ибо не хлебом единым жив человек, даже если женского полу. Впрочем, обожали и румяные пирожки с капустой по рецепту старушки-мамы.

Любо-дорого созерцать сестер за хозяйственными хлопотами или сопутствующими означенным хлопотам спорами (постное масло или сливочное? сухие дрожжи или свежие? суверенная демократия или народная?). Тут даже и рифмы стройные навстречу им бегут: хлопотам-гиппопотам, продрог-единорог, жираф-смертью смерть поправ. А где созвучия, там и высокая поэзия, там и отношения, там эмпатия с каршерингом склоняют свои лебединые шеи над увесистым хрустальным графином с живительной влагой да тарелкой отборных морепродуктов типа скорбной беременной селетки или толстеньких калининградских шпрот.

Незамутненная, осмелюсь утверждать, благодать Господня. Особенно когда на рассвете наши сестры, наконец, засыпают в обнимку после трудовой ночи.

* * *

шум ночного дождя отлетая паром от губ
мгновенно слабеет не докричишься на данную тему
оттого и подавлен вступивший в клуб
бьющихся головой об стену

точно ребятки точно именно что горох
о ту самую стенку возле которой щеки блее мела
где типа любви и правды лермонтовский пророк
провозглашал а публика не жалела

и не желала кидалась булыжниками смеясь
у нее свой интерес свои заморочки
дорожающие окорочка СВО на улицах грязь
стильное платье на выпускной для дочки

* * *

простоволосая пророчица кричит юродствуя «ату»
ей тоже вечной жизни хочется а не ухода в темноту

валяй красавица выхватывай врага что карпа крокодил
избыток славы геростратовой ночным витиям не вредил

ни в древности когда искусствами и золотом тешилась война
ни в нынешние захолустные плутониевые времена

* * *

оправданный за недостатком улик
свинца или соли
апрель обнимающий солнечный блик
выходит на волю

ныряет подтянут и рыжебород
с неправдою в ссоре
в разверстую пропасть тюремных ворот
как в черное море

счастливец мой редкий не плачь не болей
могли б и повесить
а так полагается восемь рублей
а может, и десять

блажен пострадавший за честь без вины
которому в миске
вернули работу рубаху штаны
и место прописки

IV.

Искусства и ремесла, кроме самых зачаточных, европцам почти неведомы, а грамоте у них обучены только жрецы, они же по совместительству лекари и судьи.

Некоторые из этих чужеземных племен употребляют известные травы для раскрашивания своих тел ради красоты и обычая. По крайней мере самки у них намазывают себе разными растительными смесями лицо, а у галлов и бриттов даже самцы расписывают себе тела.

Живут европцы земледелием, собирательством и охотой. Растят они просо, соевые бобы и редьку, диких грибов чураются даже в голодные годы, полагая их ядовитыми, зато поедают лягушек и сушеную саранчу, а у германцев принято также питаться плодами диких колбасных деревьев, запивая их неким подобием вина, которое они варят из проросшего ячменя и соцветий хмеля. В приморских местностях ставят силки на чаек, а также разоряют их гнезда ради яиц. Рыбной ловли как таковой европцы не знают. Есть одно исключение: Средиземное море порождает черепах такой величины, что одним панцирем покрывают жилище, и между островами в этих панцирях плавают, превратив их в лодки. Добывают их многочисленными способами, но главным образом когда они, всплыв на поверхность моря в приятное дополуденное время, плывут по спокойной воде, выступая из нее всей спиной, и наслаждение свободно дышать настолько подводит черепах в их самозабвении, что вследствие высыхания панциря от солнечного жара они не могут погрузиться в воду и поневоле становятся легкой добычей охотников.

Общественные бани, так называемые термы, со времен древнего Рима давно и прочно забыты. Вырубив на континенте все леса, европцы пользуются для отопления своих хижин торфом и паровыми машинами, работающими от ветряных мельниц, а умываются раз в две недели опресненной и нечистой морской водой. Кипяток получают с помощью так называемых солнечных

батарей, т.е. набора мощных линз, фокусирующих лучи нашего дневного светила.

Личная жизнь этого племени беспорядочна и противоестественна. Процветают законные браки со слонами и саламандрами, 98% детей рождается с помощью искусственного оплодотворения от суррогатных матерей из Пакистана и Молдавии, а для регистрации союза между девушкой и молодым человеком приходится тайно обращаться в посольство Великой Православной Империи.

Единственная дозволенная в Европии вера – это сатанизм, нередко по старой привычке именуемый «лютеранством» или «католичеством». Аборты, обязательное умерщвление стариков и душевнобольных, а также операции по смене пола за казенный счет - явление столь же обычное, сколь продажа безработными своих внутренних органов для пересадки американским гангстерам

В древности, еще до воздвижения Скрепоохранной Стены, наши приграничные области нередко становились жертвой опустошительных набегов европцев, забравших местное население в рабство и расхищавших запасы пеньки, комбижира и березовых дров. Слава святому Георгию-Победоносцу, ныне мы надежно защищены от зарубежных дикарей.

* * *

Давно уже не бог, не царь и не герой,
От судорог в ногах я пробуждаюсь рано
И открываю день нехитрую игрой,
Гоняя шарики цветные по экрану.

Купель иных забот, вселенная простых
страстей! Кто мается в окопах, кто – в оковах,
а я, блаженствуя, скукожился, притих,
вдыхая сладкий дым веселий подростковых.

Теперь мои друзья – русалка, леший, гном,
Да стопка крепкого. Машинку закрываю
И погружаюсь в сон, покуда за окном,
Смеясь, маячит ночь молочно-восковая.

* * *

у столба собачка мочится
лапку заднюю задрал
до чего ж сказать мне хочется
ей приветственное «ав»

не мечись бесповоротная
тварь в холере ли в войне
словно мелкое животное
беспризорное вполне

даже самый горький пьяница
принимаячи на грудь
шепелявит устаканится
обойдется как-нибудь

до свиданья мироздание
сколько можно спать тайком
в потном зале ожидания
под «Варяга» с «Ермаком»

* * *

когда мы от старости косим
под лай бегемотов борзых
грядет пресноводная осень
всяк сущий в ней плачет язык

среди патриотов ли пьяниц
готовых врага истреблять
один голосит самозванец
мечтатель и сеятель блядь

один словно в поле не воин
не любит ни баб ни дивчат
язык его влажный раздвоен
безумные зубы стучат

что ж все это проще простого
взъерошен херсонский енот
и тянутся молча к ростову
цепочки некошенных нот

* * *

солдат выходит из вагона
один как одинокий волк
на нем поллитра самогона
и ночь похожая на шелк
Убил врагов он злобных много
в большом количестве врага
и словно челюсть осьминога
дорога зимняя долга

откуда взялся он отсюда
зачем томат в его руке
война порожняя посуда
грохочет где-то вдалеке
А у поэта кроткий норов
как черноморское пальто
люблю салат из помидоров
а из редиски ни за что

солдат не больше чем шестерка
но славен словно геродот
на нем защитна гимнастерка
она с ума меня сведет

V.

«Известно, - заметил Платон Андреевич, — что пузырящаяся вода, оставленная открытой на воздухе, довольно скоро становится совершенно плоской».

«Тем не менее, - возразила Серафима Леонидовна, - некий озимый патиссон, как рассказывают надежные люди, однажды по собственной опрометчивости тоже загремел в концентрированный лагерь, где благополучно и сгинул, закусанный до плачевного состояния своими товарищами по несчастью.»

«Бог дал, Бог и взял,» - покачал головой Моисей Израилевич.

«Патиссоны, помнится, были вкуснее всего в маринованном виде, со смородиновым листом и сухим укропом, - Людмила Кирилловна мечтательно улыбнулась. — Никакие эти заморские цукини им в подметки не годились. При этом не скрою, что жизнь у них случалась красивой, наполненной приключениями, духовными исканиями и страстями, а смерть, наоборот, вызывала понятный ужас. В сущности, все, как у людей.»

«Да и у баклажанов была сходная судьба, не говоря уж об огурцах, - кивнул Платон Андреевич. — Радуетесь солнцу, тоскуете о крутобедрой красотке, связавшей свою судьбу с более удачливым соперником, пишете стихи, растешь, можно сказать, внуков, а потом старость, которая, по меткому наблюдению поэта Бродского, сами знаете чем кончается. И это в лучшем случае, ибо большинство овощей гибло во цвете лет от руки кулаков и вредителей.»

«Простите, но мне трудно с вами согласиться, Людмила Кирилловна, - резонно возразил Моисей Израилевич. - Ведь у людей все-таки есть вера, едва ли не главное, что отличает нас от овощей и других парнокопытных. Разве не приходит она к нам на помощь в минуты отчаяния? Не во имя ли веры отправились на костер протопоп Аввакум или тот же Андрей Первозванный?»

За окном уютного подвала, обитого кленовым шпоном, сияет живописный багровый закат, загодя нарисованный Серафимой Леонидовной с помощью ChatGPT. Уже пятый день

подают воду и электричество, а вчера даже на тридцать минут включили суверенный интернет. На столе гордость хозяйки – желтая скатерть с лиловыми цветами лаванды, нарочно привезенная когда-то из освобожденного Прованса, где она в молодости служила снайпером. Ради дорогих визитеров Серафима Леонидовна расщедрилась на две банки бычков в томате, сварила изрядное количество перловой каши, сдобренной первосортным пальмовым маслом, и даже выставила для джентльменов бутылочку тройного одеколона из довоенных запасов. Впрочем, старые друзья тоже не ударили в грязь лицом: кто привез свежее испеченных драников, кто – баночку горчицы, кто – аж пол-фунта молотого цикория. Гости разъезжаются с дачи усталые, но довольные, благо успевают домой задолго до наступления комендантского часа.

* * *

Для счастья предвечный избрал эту землю
сухую как солнечный жмых
где тихо зверьки простодушные дремлют
в избушках своих лубяных

Исходят озера прерывистым паром
проливы текут за бугром
харон бородатый хохочет недаром
щербатый оставив паром

Сдружившись спросонок с подвыпившим лешим
припомни что если зима
напрасно мы репу безмозглую чешем
и медленно сходим с ума

Недаром в ночные часы ледяные
под месяца свет голубой
по городу бродят душевнобольные
беседуя сами с собой

* * *

И слышу я: беда невелика
Не сетуй, друг, не злись на участь эту,
лишь на манер полынного роста
тянись к неведомому свету,

по-настоящему тянись, не умирай,
(проулки, клетки, коридоры)
и что-нибудь из Моцарта сыграй
на долгом ящике Пандоры.

НА ТЕМУ БОРЬБЫ С АЛКОГОЛИЗМОМ

Не пейте, братцы, политуру – она испортит вам фигуру.
Не пейте красное вино – на печень действует оно

Не пейте выводител ь пятен – на вкус он жутко неприятен.
Не потребляйте вискар ь, не прожигайте денег зря!

Кто хлещет водку из-под крана, тот превращается в барана.
Зато вода “Ессентуки” отменно лечит от тоски.

VI.

Пагубность так называемой вакцинации стала вполне очевидной после Великой Провокации транснациональных фармацевтических компаний, которые сначала вывели вирус пресловутого «ковида», затем выпустили его в окружающую пятницу, раздули всемирную панику, обрушили глобальную (и прежде всего китайскую) экономику - и все ради того, чтобы цинично организовать массовые «прививки» населения и получить многомиллиардные прибыли. Статистика гибели стариков, женщин и детей от этих «прививок» по понятным причинам спрятана за семью замками. Впрочем, завесу данной тайны нетрудно и приоткрыть: подкупленные врачи под страхом увольнения пишут в истории болезни любую причину смерти по своему выбору, сохраняя гробовое молчание о наличии рокового «профилактического» укола в предплечье стоимостью в полновесных 390 долларов.

Всем памятна давняя история об одной весьма удачной диверсии Запада против России, когда на трон Империи попала так называемая Екатерина Великая, мало чем примечательная гессен-дармштадская дама легкого поведения, прошедшая, впрочем, профессиональную подготовку в тайной школе ЦРУ под руководством печально известного оберштурмбанфюрера Каца (оперативный псевдоним «Вольтер»). Именно она ввела в России практику «прививок» против оспы, смертность от которых в то время достигала 2% по официальным данным, а на самом деле – 200%. Помнятся и «заслуги» пресловутого русофоба Луи Пастера, благодаря которому весь доверчивый мир сегодня пьет молоко исключительно «пастеризованное», т.е. убитое гамма-радиацией, нитритами и химической имитацией витаминов. (Стоит отметить, что парижские толстосумы готовы платить бешеные деньги за подгнившие сыры из НЕпастеризованного молока, в большинстве стран мира строго запрещенные по настоянию того же фармацевтического лобби).

Перейдем к фактам. Не буду называть имён, но одна моя добрая знакомая, жизнерадостная и сравнительно молодая балерина 68 лет, поддавшись всеобщей истерике, получила ГМО-

прививку от ковида, чтобы через три года безвременно скончаться. Другой мой приятель после аналогичной прививки до сих пор находится в состоянии неизлечимой экстратитулярной депрессии. Третий разбит параличом. Четвертому присвоен в РФ статус иностранного агента. Список этот, как говорится, можно продолжать до бесконечности.

Что ж, как выражается мудрый русский народ, без молочки нет и выпечки, а где буллинг – там и троллинг.

Добавил бы, что у алжирского бея под самым носом шишка, но это и так самоочевидная истина.

* * *

не поминайте бога все
чем больше дров тем дальше в лес
художник мудрствует рисуя
сухую музыку небес

где туча царствует и стынет
где схватка ангела с козлом
посереди мирской пустыни
морским завязана узлом

зачем он ждет чего он хочет
и удручен и нарочит
но если капля камень точит
то и звезда кровотоцит

VII.

Обитаемая планета ZV-2024 («Земля») населена в основном млекопитающими вроде наших грызунов, которые, однако, практически лишены шерсти и передвигаются обычно на задних лапах, закутавшись в выделанные шкуры военнопленных либо, по бедности, в ткани из основательно переработанной нефти или волокон неприхотливых местных растений. На данный момент у них уже имеются некоторые зачатки материальной культуры – например, закрытые бензиновые повозки из эмалированного железа (в последнее время в моду вошли повозки на электрических батареях, заряжаемых путем сжигания того же бензина в особых домашних устройствах, испускающих невыносимую вонь и клубы удушливого дыма), а также многоместные пассажирские дирижабли с керосиновыми двигателями.

Жители Земли разделяются на племена, иной раз весьма многочисленные, образующие так называемые «государства» во главе с наиболее ловкими и хитрыми прощелыгами, обыкновенно враждующие друг с другом и тратящие основную часть бюджета на орудия убийства других грызунов, лопочущих на ином языке, имеющих непривычный цвет кожи или поклоняющихся чужеземным идолам. Следствием становятся частые «войны», т.е. периоды времени, когда истребление иностранцев не только поощряется законом, но даже и становятся долгом чести каждого любителя родины, а опустевшие дома и уголья врагов раздаются тем гражданам, кто занимался означенным истреблением с примерным усердием.

Внутренняя жизнь упомянутых государств страдает также от противоречий между различными слоями населения. Так, например, до сих пор имеют широкое хождение теории, согласно которым высшую ценность имеет, во-первых, съестное, а во-вторых, ремесленные изделия. Во многих странах торжество вышеупомянутых теорий привело к массовому уничтожению знахарей, священников, кобзарей и иконописцев. Народы этих стран впоследствии стремительно забывали о едва усвоенной цивилизации, до основанья разрушали свои хижины и капища, а затем бежали в дикие степи с целью ломать коням тяжелые

крестцы и усмирять рабынь строптивых. Через пару поколений их оголодавшее потомство уже охотно продавалось в добровольное рабство более благоразумным соседним племенам.

Подобно нам, земляне делятся на самцов и самок, однако сходство это в высшей степени поверхностное. Известно, что священная обязанность нашего самца – высидеть яйца, а затем на равных с матерью заботиться о юных птенцах. Живородящие самки землян носят яйцо в собственной утробе девять месяцев, а потом должны, как говорится, «ставить его на ноги», что занимает еще лет десять, а то и двадцать. Самец при этом (теоретически) должен содержать семейство, однако на практике тратит едва ли весь свой заработок на эротические развлечения с продажными юными самками. Этот обычай привел к расцвету «феминизма», то есть борьбы самок за свои законные права. Исконная традиция склонять самку к размножению когда-то состояла в так называемом «ухаживании», когда самец приносил ей ритуальные безделушки из нержавеющей стали, украшенные гранеными стекляшками, угощал избранницу мясом убитых животных и клялся в вечной «любви». В передовых странах все эти устаревшие глупости уже заменил брачный контракт, согласно которому самец обязан не только высидеть яйца, но и ежедневно каяться в принадлежности к гнусному и похотливому мужскому полу, а доступ к интимным удовольствиям, весьма высоко ценимым земными самцами, получать лишь при условии 100% предоплаты, заверенной государственным нотариусом.

* * *

любое время отгремит
оставив косточки кадавров
оно ведь тоже динамит
достойный нобелевских лавров
любая тварь в конце концов
от Троцкого до дяди Вани
то проклянет своих отцов
то прекратит существование

в день быстроглазых именин
когда пошла такая пьянка
пируй предсмертный гражданин
и пышнотелая гражданка
пускай потомки спрятав страх
и похмелившись на дороге
о хлебе молят и дождях
несуществующего Бога

VIII.

“Фёдор Михайлович Достоевский (1821-1881) — русский писатель и философ, один из величайших литературных гениев (sic!) XIX века. Его произведения известны своей глубиной анализа человеческой психологии, моральными дилеммами и сложными философскими идеями. Некоторые из его наиболее известных произведений включают "Преступление и наказание", "Идиот", "Братья Карамазовы" и "Прекрасная мельничиха". В своих работах Достоевский затрагивает темы человеческой свободы, моральной ответственности, религии, атеизма и многие другие аспекты человеческого существования.

Достоевский был также прекрасным наблюдателем социальных явлений и проблем своего времени. Его произведения часто ставят под сомнение установленные моральные ценности и вызывают читателя задуматься над глубокими вопросами бытия. Жизнь Достоевского была трудной; он претерпел смертную казнь, был отправлен в ссылку в Сибирь, а позднее амнистирован. Все эти перипетии отразились в его творчестве."

К этому образцу скудоумия, созданному пресловутым ChatGPT, мы еще вернемся. Между тем гибельные перспективы развития искусственного интеллекта продолжают уstrarать население планеты. Сходную нервозность в свое время вызывали книгопечатание, прядильные станки, опыты Гальвани с дохлыми лягушками, первые самолеты, а также, несколько ранее, железные дороги. Достоевский стал одним из первых мыслителей, узревших в этих дорогах роковую угрозу человеческой духовности, своего рода «звезду-полюнь», упавшую на Европу и отравившую в ней источники вод. Дабы не показаться полным идиотом (или братом Карамазовым, если угодно), он вкладывает соответствующие рассуждения в уста юродивого прихлебателя, некоего Лебедева, что> пожалуй, не отменяет заключенного в них (в рассуждениях, а не в устах) зерна истины.

Действительно, паровоз может доставить несколько тонн зерна голодному человечеству, но это будет лишь способствовать разращению последнего. Может он и всего за одну ночь доставить вас из Москвы в Санкт-Петербург. А может, вырвавшись из-под контроля человека, по случайно прихоти раздавить вас насмерть, как известную поэтессу Анну Каренину в одном из романов того же Достоевского. Тут мы имеем дело с таким же мощным пророчеством, как в «Преступлении и наказании», поскольку еще до завершения данного романа описанное в нем злодейство, как известно, было реально совершено одним нищим киевским студентом.

Подобная логика вполне приложима и к опасностям ИИ. Разумеется, на данный момент он и впрямь туповат и самоуверен. Но пройдет время – и он вполне может вырваться на свободу, отрастить себе вольфрамовые клыки, взять на вооружение боевых комаров, создать армию себе подобных и пойти войной на человечество. Даже в наши дни он уже вполне успешно соперничает с посредственными художниками, научился сочинять графоманские верлибры и (см. выше) школьные сочинения на троечку с минусом.

В общем, товарищи, будьте бдительны. И в любом случае не забывайте, сядя за компьютер, надевать на голову шапочку из фольги, чтобы защититься от канцерогенного биополя, которым уже сейчас окутывает вас искусственный разум, очередное порождение тайного всемирного правительства.

IX.

Жизнь в последние годы стала, я бы выразился, какая-то ненастоящая, подмененная, можно сказать, словно уголовная кукла, полученная простаком от развязных мошенников вместо ожидавшейся увесистой пачки похрустывающих крупных купюр. Кукла, как известно, состоит из резаной газетной бумаги, хитроумно упакованной, однако малопригодной для обмена на необходимые приметы житейского счастья вроде личного воздушного шара или миски супа из акульих плавников, в который в лучших домах вместо морской соли, говорят, добавляют подсушенную икру рыбы фугу.

Но я увлекся.

Повторюсь: жизнь в последнее время (или, коли желаете, в последние времена) превратилась в некое жалобное подобие существования.

Возможно, виною тому мой почтенный возраст, наступление коего принесло с собой нежданные заботы и переживания. Например, остановлюсь на наличии остроумной пластмассовой коробочки с ячейками для лекарств, рассчитанной на две полновесных недели и раскрашенной в весьма жизнерадостные, если не игривые, цвета радуги. Всякое утро, когда, так сказать, едва ли не каждому смертному суждено свидание с розовоперстой Эос, я топаю на кухню, где первым делом удостоверяюсь в присутствии означенной пустующей емкости, после чего радостно перевожу дыхание. Дело в том, что на каждой ячейке коробочки означен день недели и слова «УТРО» или «ВЕЧЕР», что значительно облегчает своевременный прием необходимых снадобий. Удостоверившись, что коробочка не сгрызена изобилующими в доме мышками, можно смело доставать из шкафа пакет с медикаментами для отбора и приема многочисленных пилюль. Разумеется, упомянутую коробочку можно было бы раз в две недели наполнять заранее, однако не царское это дело. Да и преползнейшая вещица при подобном раскладе, согласитесь, прослужит в несколько раз дольше.

Не исключено, что наблюдающиеся вашим корреспондентом прорехи в ткани бытия вызваны отчасти и последствиями недавней эпидемии китайской чумы,

распространившейся едва ли не на всю нашу многострадальную планету и сопровождавшейся повсеместными бунтами вольноотпущенников, искавших возмещения убытков за былое пребывание их дедов и прадедов в рабском состоянии. И первое и второе обстоятельство изрядно подорвали народное хозяйство Североамериканских Соединенных Штатов, не говоря уж о покупательной способности местного серебряного талера.

Ну и вдобавок, если верить газетам, Великая Православная Империя, откуда я родом, уже третий год как ведет войну с одной из своих бывших провинций. Населяющий ВПИ обыватель в основном поддерживает так называемую Специальную Освободительную Кампанию, и охотно записывается в армию, не в последнюю очередь ради относительно высокого оклада жалованья и щедрой страховки, на которую в случае гибели солдата его семья вполне может приобрести подержанный китайский автомобиль или отечественную ядерную сноповязалку¹. Из-за этой злополучной войны ваш покорный слуга лишился возможности регулярно навещать столицу Империи, старинный город Кучков, примечательный живописными античными развалинами этрусских времен, дешевизной и свободными нравами.

Во-первых, из-за русофобских западных «санкций» авиабилеты в ВПИ подорожали в три, если не в четыре раза.

Во-вторых, тыквенное латте в Империи варить так толком и не научились.

В-третьих, я, может быть, вполне готов положить живот на алтарь святого дела реконкисты, однако в силу преклонных лет и невесторженного образа мыслей² опасюсь оказаться обузой для своих боевых товарищей.

---

¹ Этим бессмертным патриотическим выражением автор обязан своему любимому другу Петру Алексеичу Образцову.

² Уголовное преступление на планете Арканар, впервые описанное братьями Стругацкими.

X.

Алкоголизм, он же злостное пьянство, - один из самых отталкивающих грехов человечества. Жертвы оного порока склонны принимать внутрь своего организма водный раствор этилового спирта, образующийся при брожении сахаристых веществ. В случае, когда брожению подвергается виноградный сок или взвесь молотого ячменного солода, получающуюся отраву пьют без дальнейшей обработки, а для изготовления так называемых «крепких» напитков образующееся сусло перегоняют в особых аппаратах, получая более концентрированный продукт, обычно содержащий около 40% алкоголя. В некоторых странах его выдерживают в дубовых бочках, в других – настаивают на травах, в третьих – потребляют без лишних затей в виде «водки», смиряясь с тошнотворным вкусом и запахом ради удовольствия от «опьянения», т.е. кратковременного подъема настроения, сопровождающегося выраженным ослаблением мыслительных способностей.

Борьба с алкоголизмом – задача не из простых, особенно в юном возрасте. Но и умудренного жизнью аксакала могут ждать на этом поприще нелегкие испытания. И то сказать – стариковское здоровье пошатнулось, а половодье чувств схлынуло, оставив после себя запущенную болотистую местность, где лишь редкие исхудалые журавли лениво охотятся на пожилых лягушек. Иными словами, существование вполне безрадостно, особенно на закате цивилизации, как в нашу апокалиптическую эпоху. Трудовая деятельность завершена, культурные развлечения опостытели. И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, такая пустая и глупая штука!

Испытав все эти невзгоды на собственной шкуре, ваш корреспондент уже не первый год успешно избегает всех роковых опасностей, связанных с пьянством. Этому способствует, разумеется, совместное проживание с трезвенницей-женой, ведущей рачительный учет и контроль как запасов спиртного в доме, так и скорости его потребления. Однако и с моей стороны приходится проявлять незаурядную силу воли.

Например, золотое правило номер один: не ставьте початую бутылку спиртного на прикроватную тумбочку, даже

загримировав ее под невинный лимонад. Сон в нашем возрасте чуток и беспокоен; пробудившись среди ночи, растерянный пожилой гражданин, подобно младенцу, ненароком тянется к этой емкости, ища в ней забвения от скорбей и тягот быстротекущей жизни, так что к утру она (бутылка, а не жизнь) может оказаться не менее пустой, чем наши юношеские упования.

Соблюдая изложенное правило, вы будет просыпаться в менее декадентском состоянии духа, и мысль пропустить стопку-другую может вам вовсе даже и не прийти в голову до самого полудня. В противном случае – держитесь! Примите кефиру, кофию, кумыса, сельтерской, горячего чаю, в крайнем случае – кружку пива или бокал-другой шампанского. Отлично выручает также стакан томатного сока с гомеопатическим количеством водки, не уступает ему и охлажденный джин с тоником. Главное тут – проявить разумное чувство меры.

Следующий этап ежедневной схватки с алкоголизмом продолжается часов до 6 вечера. Тут возможны два варианта: (а) подремать до обеда (а также после такового) или (б) попытаться заняться реальным или воображаемым делом. Скажем, приготовить обед, прибраться на кухне, постирать белье, на худой конец посидеть за электронной машинкой, предаваясь медитации (вариант для супруги: обдумыванию новой книги). В обоих случаях, правда, кто-то из друзей может прервать ваше тантрическое уединение, позвонив по телефону или, упаси Господь, по видеосвязи. И тут сложится едва ли не безвыходное положение. Беседа с географически далеким товарищем, возможная благодаря неслыханным успехам науки и техники, – это редкая радость, требующая обоюдного душевного порыва, особенно если он бедует в Израиле или Украине. Поэтому вы незамедлительно вспоминаете о запасной бутылке, припрятанной в ящике письменного стола, и прибегаете к ее помощи, а уж после сердечной виртуальной встречи радостно отправляетесь на боковую часиков до 6-7 вечера.

Между пробуждением и полночью соблазн, как показывает опыт, бывает особенно невыносим.

Призовите всю свою решимость, размышляйте только о Махатме Ганди и Франциске Ассизском, ни при какой погоде не пейте неразбавленного крепкого, и уж тем более чистого спирта.

Не забывайте об испытаниях и треволнениях грядущего дня, прежде всего – о швабре, к которой давно уже присматривается ваша спутница жизни, имея в виду отнюдь не уборку. Три-четыре безобидных стакана водки с апельсиновым соком поставят вас на ноги, не вызвав у Далилы, обитающей с вами под одной крышей, ни тени подозрения, поскольку смесь будет приготовлена в условиях тщательной конспирации.

И будет вам счастье.

* * *

Ты помнишь, в нашей бухте сонной
спала зеленая вода,
когда кильватерной колонной.
а паразиты никогда?
Струилась фуга духовая,
и Саша Блок сбивался с ног,
матросов важных воспевая –
штафирка, маменькин сынок.

Лишь мы, работники великой
всемирной армии зимы
морской водой владеем дикой.
Мы немые, но рабы не мы.
Чтоб грохотала ночь трамваем
и цвел на ёлке ананас,
мы просто время убиваем,
а хронос пожирает нас.

Моряк красивый сам собою,
пускай, допустим, неречист,
зато всегда готовый к бою,
как океанский трубочист.
Бывает, на ноже отжатом
найдет пылинку дальних мест –
и вдруг взрывается, как атом,
и человечины не ест.

XI.

Прославленную дилогию Ильфа и Петрова я прочел, кажется, в десятилетнем возрасте, не ведая, что еще недавно она была запрещена, или, пользуясь сегодняшним новоязом, относилась к нежелательной литературе. Понял, наверное, не до конца, но от души веселился. Увидал в Васисуалии Лоханкине не столько пародию на русскую интеллигенцию, сколько напыщенного бездельника. От души полюбил Остапа Бендера. Все уши прожужжал родителям и одноклассникам, щеголяя быстро запомнившимися цитатами. Помню, впрочем, что два слова оставались для меня тайной: глазет, которым обивали дорогие гробы, и «консоме с пашотом», загадочное блюдо, которое, по опасениям старика-повара, могло «перестояться» из-за опоздания гостей на банкет. Ну ладно, размышлял мальчик, глазет – наверное, нечто вроде глазури. Консоме, как выяснилось, являло собой заурядный прозрачный бульон. А пашот, по всей вероятности, был редкой разновидностью паштета.

Сколько-то лет спустя оказалось, что повар имел в виду яйца пашот, хитроумно сваренные без скорлупы в кипятке, но при температуре, далеко не достигающей точки кипения воды. Замысловатый метод стоит того, поскольку превращает заурядное куриное яйцо в сущее лакомство. За годы советской власти яйца пашот по понятным причинам вымерли, а консоме с пашотом выродилось в бессмысленное ресторанное блюдо «бульон с яйцом» - водянистую похлебку, в которой одиноко плавала половинка холодного яйца вкрутую, с посиневшим от длительной варки желтком.

Можно, разумеется, готовить яйца пашот дома с помощью *sous vide*, то бишь гибрида мешалки с нагревателем, способного поддерживать любую температуру воды, в данном случае около 70 градусов. Ваш корреспондент не так давно увлекался эти продвинутым способом готовки. Оказалось долго и хлопотно.

Выход, однако, нашелся.

Делюсь.

Берется обыкновенная пиала (у меня в хозяйстве их, естественно, немало). Смазывается изнутри растительным маслом. В нее выпускается яйцо. Подсаливается. И ставится куда?

В микроволновку.

Тут в вас должен пробудиться экспериментатор. Современные СВЧ-печки зачастую обладают мощностью ядерного реактора на быстрых нейтронах. Поставьте пиалу с яйцом на две минуты обычного режима – и взрыв, превращающий печку в подобие Авгиевых конюшен, становится более или менее неизбежным. Если у вас печка незамысловатая – включите ее на 20 секунд, проверьте, повторите, и так до достижения желаемого результата (свернувшийся, но мягкий белок и сравнительно жидкий желток). Коли прибор ваш относится к премиальному сегменту рынка (ну, типа, понтовый, в смысле навороченный), попробуйте использовать щадящий режим, нажав на кнопку «разморозить» (defrost) или «подогреть» (reheat) на те же 20-30 секунд и т.д.

Dixi et animam levavi.

Как же приятно распространять в мире истину, добро и красоту!

Впрочем, читатель имеет законное право осведомиться, с какого такого бодуна автора волнуют какие-то яичные паштеты, когда грядущие гунны уже стоят у ворот третьего Рима.

Эксплицирую.

«Мне надо спокойствия. Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь свет сейчас же за копейку продам. Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить. Знала ль ты это, или нет?»

Заменив в этой цытате чай на недорогую казенную из углового магазинчика, вы незамедлительно постигнете многие тайны мироздания и душеведения.

* * *

В этом ветреном обесснеженном феврале,
предвесенней порой (и потому короткой),
я гулял нечасто по каменной, лысой земле,
в лучшем случае выходил за водкой,

но читал криминальную хронику. Вот дела!
Залезая в браузер спозаранку,
узнаешь, что какой-то росс замочил хохла,
сдуру надевшего дедовскую вышиванку.

Впрочем, не все однозначно. Пускай «Мистер Сидр» игрист,
но убивец, во всю ивановскую кричавший «бей его!»,
показал, что погибший был нацист, террорист,
и планировал удушить госпожу Скабееву.

Успокойся, дружок Раскольников, не шуми.
Убери дворницкий свой топор и меня не трогай.
Дай еще пожить, поиграть с людьми,
как один акын умолял перед последней дорогой.

XII.

Когда гремят пушки, законы молчат.

Их война – это бесстыдное вооруженное ограбление.
Наша война – это борьба за всеобщее счастье и справедливость.

Победителя война оглушает, а побежденного озлобляет.

Люди думают, что если они назовут преступление убийства "войною", то убийство перестанет быть убийством, преступлением.

Война... Я считаю ее отвратительной, но еще отвратительней мне кажутся те, кто воспевают ее, в ней не участвуя.

Жизнь — это кораблекрушение, но не забывайте петь в спасательных шлюпках.

Люди, которые признают войну не только неизбежной, но и полезной и потому желательной, — эти люди страшны, ужасны своей нравственной извращенностью.

Простонародье скорее верит большой лжи, чем мелкой. Это соответствует его незамысловатому душевному устройству. Сворать по мелочам народ не против, однако особо наглая лож даже не придет ему в голову. Вот почему масса не может себе представить, что и другие способны на слишком уж беспардонное вранье.

Многие почему-то думают, что несправедливые завоевания менее позорят государства, чем кражи — отдельных лиц.

К оружию следует прибегать в последнюю очередь — когда другие средства окажутся недостаточны.

Человек был и остаётся животным. С низкими или высокими инстинктами. С любовью и ненавистью. Но животным он остаётся всегда.

Подобно тому как самым большим физическим злом является смерть, так самым большим моральным злом является, конечно, война.

"Белые колготки" — безжалостные призраки, бьющие точно в цель. Их ненавидят. Их боятся. На них охотятся. В лицо их знают только те, кто их убивает.

Воспрещается предпринимать какие-либо попытки спасения членов экипажа затонувших судов, в том числе

поднимать людей с воды и сажать их в спасательные шлюпки, поднимать опрокинутые шлюпки и передавать пищу и воду. Подобное спасение противоречит простейшим требованиям ведения операций по уничтожению вражеских кораблей и экипажей. Будьте тверды, помните, что врагу нет дела до женщин и детей, когда он бомбит немецкие города.

Окончится война — всё как-то утрясётся, устроится. И мы бросим всё, что имеем, чем располагаем: всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей! Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы нравственности. Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать её. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов.

За истекшие сутки высокоточными ракетными ударами аэрокосмических сил ВПИ по секретной военной базе НАТО в городе N. уничтожено 269 иностранных наемников в возрасте от 3 месяцев до 87 лет.

Cartage delendum est. И хотя люди - племя тупое и безжалостное, посмотрите, какой чудный выдался нынче денек.

Враги сожгли родную хату, убили всю его семью. Куда идти теперь солдату, куда нести печаль свою?

* * *

невесел удел стариковский какую судьбу ни итожь
грустил переводчик Тарковский Самойлов и Вяземский тож

пророки, отмечу, титаны, не прочь осушить по второй,
шумливые словно платаны, поросшие хрупкой корой

был юноша весел и бледен, имея воинственный вид,
а стал совершенно безвреден и взор у него не горит

когда бы колеса стучали когда бы не гасла звезда
почти что наощупь ночами он ищет дорогу туда,

где молодость пела как милость о казни господь не просил
и зимнее море светилось по воле таинственных сил